

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Вячеслав Широнин

Очерк институционального
развития современной Европы
и России

Препринт М-35/14

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2014

УДК 32
ББК 66
Ш 64

Широнин В. М.

Ш 64 Очерк институционального развития современной Европы и России / Вячеслав Широнин : Препринт М-35/14. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. — 68 с. — (Серия препринтов; М-35/14; Центр исследований модернизации).

Доклад написан по материалам книги автора «Когнитивная среда и институциональное развитие» (СПбГЭУ, 2013), в которой предпринята попытка создания единой концептуальной рамки для понимания мировоззренческих, институциональных и поведенческих особенностей России в сравнении с Западом. В книге это сделано в терминах когнитивной науки, и соответствующие теоретические разделы там являются основными. В то же время для иллюстрации развиваемой теории в книге содержится дайджест из нескольких десятков выдающихся работ зарубежных и российских авторов, который сам по себе достаточно информативен. Доклад представляет собой сокращенное изложение этого дайджеста с кратким заключительным комментарием.

Информация об авторе: Широнин Вячеслав Михайлович, кандидат физико-математических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ); vm@shironin.ru

Этот текст можно было бы назвать «стилизованной историей» институционального развития Западной Европы и России, хотя такое выражение редко употребляется по-русски. Википедия переводит его как «общие факты», имея в виду «упрощенное обобщение эмпирических результатов». Мне тем не менее кажется, что это выражение хорошо передает нужный смысл. Дело в том, что здесь не излагается собственно история, и если такое впечатление будет складываться, то оно не совсем правильное. Речь пойдет о моделях, которые будут рассматриваться в исторической последовательности их предполагаемых прототипов. Это то, как мы или как авторы цитируемых книг представляем себе общественное, институциональное устройство в прошлом. Кроме слова «модели» мы можем употреблять термин Макса Вебера «идеальный тип» или — с некоторой натяжкой — слово «парадигма». Итак, наша цель здесь не историческая, она состоит в том, чтобы увидеть закономерности и в конечном итоге понять, что происходит в обществе сейчас.

Текст организован в виде дайджеста или *коллажа*. Здесь пересказаны и даны в виде небольших выдержек около двух дюжин работ, которые в совокупности, на мой взгляд, создают очень выпуклую картину институционального развития Западной Европы и России. Большинство этих работ весьма известны, некоторые знамениты и все без исключения очень интересны. При этом цитируемые авторы — это не историки, которые работают с первоисточниками и с первичной информацией. Мы будем иметь дело, как говорят экономисты, с продуктом второго или третьего «передела», т. е. с уже обобщенной информацией, с картинками, написанными «крупными мазками».

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

На протяжении всей истории в России всегда присутствовало ощущение близости к Западной Европе, так же как всегда имелось некоторое представление о том, как она устроена. Со времен призвания варягов всегда имели место заимствования, в том числе институциональные. Не только христианство и марксизм, но и многие другие идеологические и научные системы проникали в Россию и становились руководством к действию. Разумеется, люди делились на тех, кто такие заимствования поддерживал или осуществлял, и на их противников, тем не менее сам факт имел место. К XIX и XX векам сопоставление своей жизни с образом жизни в Европе стало важнейшей темой для весьма широкого круга людей — как вообще всех образованных людей, так и в частности для разночинной интеллигенции. Однако воспринимать идеи с Запада люди могли только сквозь фильтр своей культуры, только так, как они были способны и как хотели их интерпретировать. Никогда не был лишним вопрос — а что такое Запад на самом деле? Даже для человека, который живет в России сейчас и имеет возможность ездить за границу, встречаться там с людьми, своими глазами видеть различия, — все равно для него понимать другую жизнь очень непросто. Самые глубокие, базовые основания культуры и поведения расположены в подсознании людей. Мы без слов предполагаем одно, в то время как люди другой культуры неосознанно предполагают что-то совершенно другое, и обсуждать эти различия в коллективном бессознательном чрезвычайно трудно.

Почему Запад стал богатым?

Книга Розенберга и Бёрдзелла¹ интересна не столько потому, что помогает понять структурную логику западного институционального устройства. Ее достоинство скорее в том, что достаточно простым и привычным языком она говорит об уникальности этого устройства и его особом историческом значении. В некотором роде это будет здесь «эпиграфом» для дальнейшего.

Авторы начинают с того, что обращают внимание на следующий факт: на протяжении почти всей истории и во всех странах, практически без исключений, все общества существовали на уровне прожиточного минимума.

---

¹ *Rosenberg N., Birdzell L.E., Jr. How The West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World. Basic Books, 1986. 353 p.*

Так продолжалось до конца средних веков, до начала Нового времени, т. е. ориентировочно до XV–XVI века, но потом Запад вырвался вперед. В чем же была причина?

Этот вопрос не новый, он был задан давно, и по этому поводу многими людьми были высказаны различные идеи.

Может быть, такой прогресс Западной Европы был связан с научными достижениями? Может быть, с доступностью природных ресурсов? Могут быть какие-то психологические причины. Или Западу просто повезло. Может быть, он оказался более терпим к неравенству доходов, и это помогло ему обогатиться? Или же европейские страны выкачивали ресурсы из колоний или эксплуатировали кого-то еще, вплоть до рабовладения?

Однако имеются контраргументы, почему ни один из этих ответов не может быть полным объяснением. Действительно, каждое из этих объяснений более или менее верно, и соответствующие факты имели место, но ни одно не является полностью убедительным. Возьмем, например, вопрос о научных достижениях. Но ведь известно, что в средневековом и даже древнем Китае было сделано много открытий. Почему же тогда средневековый Китай не стал богатым? Если говорить, что Европа выиграла за счет природных ресурсов, то как объяснить историю Швейцарии или той же Голландии, которая искусственно построена, и где чуть ли не вся земля отвоевана людьми у моря? Психологические факторы — погоня за прибылью, стремление обогатиться — действовали во многих странах, но там нет капитализма.

Везение — об этом можно было бы говорить, если бы Европе повезло один раз. Но на самом деле в течение Нового времени там произошли фактически четыре научно-технические и экономические революции: возникновение капитализма в XVI веке, промышленная революция в XVIII, еще одна революция в XIX веке, связанная с изобретением двигателя внутреннего сгорания, с электрификацией т. д., и в наше время — революция информационной. Что касается допустимости неравенства, то, видимо, это реальный фактор, который играет свою роль. Вероятно, это необходимое условие для развития, но вряд ли оно также и достаточное.

Эксплуатацией тоже нельзя объяснить всё, потому что наличие возможностей для применения капитала и вообще активное умение находить эти возможности не связаны с эксплуатацией: если у тебя есть деньги, но ты не знаешь, куда их приложить, то ничего не получится. К примеру, русское дворянство продемонстрировало в XIX и начале XX века, что одного наличия ресурсов недостаточно. Также нужно учесть, что реальные средние зарплаты растут на Западе уже в течение 200 лет, поэтому об эксплуатации надо говорить тоже с оговорками.

Колониализм. Эмпирика прямо не подтверждает, что колониализм и империализм объясняют развитие западных стран. Если мы вспомним, что

колониями были и Соединенные Штаты, и Канада, и Австралия, и другие, ныне вполне развитые страны, то нельзя утверждать, что их использовали для обогащения Европы. Что же касается работорговли, то оказывается, как ни странно, что, во-первых, прибыль от нее была не очень большой, а, во-вторых, рабский труд использовался в очень ограниченном числе отраслей.

Итак — в чем же дело? Главный тезис книги Розенберга и Бёрдзелла состоит в том, что Запад стал богатым потому, что его институциональная система поощряет инновации — терпима к инновациям, позволяет менять способы жизни, способы работы и не «наказывает» за это. Более того, система даже стимулирует нововведения, которые постоянно возникают — сначала в торговле, потом в технологии, потом в организации — в сочетании с накоплением все больших объемов капитала.

Не менее важно и то, что на Западе постепенно произошло разделение экономики и политики и предприятия получили возможность и право принимать решения, которые в других, не западных странах (в том числе, например, у нас в стране сейчас) не относятся исключительно к экономической сфере. История богатства Запада показывает, что политическая сфера в долгосрочной перспективе выигрывает оттого, что она не вмешивается в сферу экономическую:

(М)ы много раз ссылались на тот очевидный факт, что экономический рост — это одна из форм изменений, поэтому путь Запада к богатству включал в себя и требовал, чтобы общество было готово терпеть и принимать социальные и политические изменения, гораздо более масштабные, чем любые прежние революции.

Западное христианство

Общественная жизнь строится на основе некоторых самых общих представлений, которые либо прямо задаются религией, либо чаще всего унаследованы от мировоззренческой системы какого-либо вероучения. На Западе все это отличается от того, что мы имеем здесь у нас в России. Это отличие имеет очень давнее происхождение, и в первую очередь оно проявляется в различиях между западным и православным христианством. В данном случае я пытаюсь пользоваться богословскими терминами, но на самом деле речь идет об общем взгляде на мир².

---

² В качестве основных источников по этому разделу можно назвать книги: Шмеман А. Д. Исторический путь православия. Нью-Йорк, 1954 (первое издание); Лосский В. Н. Догматическое богословие // Богословские труды. 1972. № 8. С. 131–

В чем же разница между западным христианством и православным? Она до сих пор очень сильно определяет наше поведение и мышление по трем пунктам, которые можно обозначить и в религиозных, и в светских терминах: 1) каким образом Бог присутствует в мире — т. е. что собой представляет мир; 2) что собой представляет человек, как мы это понимаем, как мы относимся к людям вообще; 3) в чем состоит роль церкви и более широко — каков характер общественного устройства.

Во-первых, Западная церковь считает, что Бога можно познавать по его проявлениям. То есть, изучая материальный или духовный, психический мир, мы тем самым познаем Бога. Мир может быть понят *эмпирически*.

Во-вторых, западная церковь считает, что человек изначально *греховен*. Первозданный, первородный грех постоянно присутствует в каждом человеке. При этом грех обладает свойствами, делающими его похожим на материальный объект. Его можно иметь больше или меньше, его можно отдать или компенсировать. Человек должен и может расплачиваться за свои грехи. Вопрос рассматривается в терминах обмена: человек что-то делает и в результате становится более грешным или менее грешным. Конечно, здесь я сильно утрирую, огрубляю и упрощаю, тем не менее дело выглядит как некое перемещение материального объекта.

В противоположность греху существует благодать. Она послана Святым Духом апостолам. Христос воскрес, вознесся, после этого апостолы собрались и на них снизошла благодать, которую они стали передавать следующим поколениям. Собственно говоря, епископы — и по католической, и по православной традиции — это те, кому передана благодать. Для католиков она передается некоторым магическим образом — путем возложения рук. То есть, опять-таки, благодать передается как материальный объект. И благодать можно использовать для компенсации грехов, это как бы «грех с противоположным знаком». Мы знаем про индульгенции, и их суть была именно в том, что благодать собиралась в копилку, а потом ее можно было раздавать или продавать.

Точка зрения православной церкви совершенно не такая. Во-первых, определение Бога в православии называется *апофатическим* (от греч. *apophaticos* — отрицающий). Можно сказать, чем Он *не* является, но нельзя сказать, чем является. Соответственно, все определения звучат как отрицания: «Бог это не...». Он — это то, что останется, Он непознаваем. Но в то же время человек подобен Богу и постоянно «подключен» к нему, человек находится с Богом в личном контакте, каждый из нас. Ему не нужны посредники. Возможно, человеку нужна помощь, но это не отменяет того, что он

183; Мейендорф И. Ф. Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1985 (первое издание). Интерпретация — на совести автора этого доклада.

непосредственно причастен Богу. И спасение — это не результат того, что ему что-то дали или отняли, что он больше или меньше греховен, а результат того, что делает он сам. У него свободная воля, он все решает и делает сам. Но в то же время этого недостаточно. Одновременно творит Бог. Это выражается в понятии *синергии*, совместного действия Бога и человека.

В православии церковь есть сообщество христиан, это вообще все христиане. Они принципиально не подразделяются на хороших и плохих, грешников и праведников, священников и мирян. В католицизме же церковь — это корпорация священников, их гильдия. У православных патриарх — это просто высший церковный чиновник. В католической церкви папа римский непогрешим, и этот догмат есть завершение того принципа, что католическая церковь имеет монополию на истину. У православных же церковь обладает благодатью именно как сообщество всех христиан. Нет никакой индивидуальной магии, этого дробления чего угодно на элементарные частицы и их передачи как материальных объектов.

Сказанное ни в коем случае не следует понимать так, что в нашей культуре «защита» какая-то неспособность следовать юридическим или другим формальным процедурам. Однако в ней очень глубоко заложено мировоззрение, отличное от западного. Мы ощущаем, образно говоря, что обладаем бессмертной душой и каждый из нас сопричастен всему на свете. Это ощущение для нас на самом деле очень дорого. И часто, когда надо этим пожертвовать и повести себя механически, мы этого делать не хотим. Например, мы не хотим «каждый день зарабатывать свой шиллинг»³. Поскольку же мы не хотим этого делать — хотя и по мелочи, но каждый день, — то юридические и прочие формальные системы у нас всегда расшатываются.

Суммируя, приведу удивительно точные слова С. С. Аверинцева⁴:

Индивиды (в западной традиции. — *В. III.*) — «падшие», грешные, и потому их надо защитить друг от друга; вокруг каждого должна быть зона дистанции, создаваемая вежливостью, а их отношения регулируются договором. Когда читаешь католические книги по моральной теологии, поражаешься, как подробно там оговариваются границы права ближнего на свои личные секреты, не подлежащие разглашению под страхом греха, и тому подобные загородочки вокруг территорий индивидуального бытия, — и насколько часто там употребляется одно важнейшее, привычное для нас отнюдь не в сакральных контекстах слово: «договор», по-латыни — «контракт».

---

³ См. слова Франклина в разделе о Максе Вебере.

⁴ *Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности // *Новый мир.* 1988. № 7, 9.

Ведь даже идея «общественного договора» как источника полномочий власти, сыгравшая памятную всем роль у Руссо и в идеологии Великой французской революции, восходит, как известно, к трактатам отцов-иезуитов XVI–XVII веков — оппонентов учения о божественном праве королей. Далеко не случайно Достоевский ненавидел самый дух морали контракта, в котором угадывал суть западного мироощущения, считал его безнадежно несовместимым с христианской братской любовью и даже поминал в связи с ним весы в руке третьего апокалипсического всадника — образ скарденной меры, отмеривающей ровно столько и не больше.

Папская революция XI–XII веков

Принято считать, что современное общество и капитализм возникли в XV–XVII веках. Но спрашивается, а что было до и после этого? Действительно ли, как сказал Макс Вебер, главным моментом были реформация и возникновение протестантизма, или же тут были еще и другие причины? Безусловно, они были, и, более того, именно о них нужно больше говорить. Во-первых, потому, что книга Вебера и излагаемая в ней точка зрения хорошо известны — гораздо лучше, чем какие-либо дополняющие или противоречащие ей работы. Во-вторых, как мне кажется, наши российские проблемы связаны с более глубокими особенностями и с теми мировоззренческими и институциональными различиями между нами и Западом, которые появились раньше. В предыдущем разделе мы говорили о различиях в понимании христианства, т. е. в конечном счете о картинах мира. Здесь речь пойдет о праве.

Книга Гарольда Бермана⁵ — о том, как возникло западное право. При этом следует сделать две оговорки. С одной стороны, рассматриваемые в ней вопросы выходят далеко за границы собственно юридической области, если трактовать ее в буквальном смысле. С другой стороны, нужно ясно понимать, что для Запада право — это совсем не то, что этим словом обозначают у нас. Право — это основа Запада, основа западных институтов. Поэтому книга Бермана, по сути, о том, как возник современный Запад.

Основной тезис Бермана следующий: в XI–XII веках произошла Папская революция (или григорианская революция, по имени папы Григория VII). Это было фундаментальное изменение, обозначившее появление нынешней западной цивилизации. Оно проявлялось по-разному. В первую очередь возникла единая католическая церковь, но также родились и другие

---

⁵ Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: ИНФРА-М; НОРМА, 1998. 624 с.

новые институты — феодальные отношения, города, гильдии, университеты. Вообще все то, как мы себе представляем Средние века, — рыцари в латах, крестовые походы, гильдии, купцы, — все появилось после этого времени и, в сущности, в результате событий Папской революции.

Произошедшие в этот период перемены не сводились даже только к институциональным изменениям; они сопровождались еще более фундаментальными явлениями — демографическими, политическими, резким ростом производительности труда, доходов, расцветом культуры. За 100 лет население Европы выросло в 1,5 или 2 раза. В начале этого периода было всего два города с населением 10 тысяч человек (Лондон и Венеция), а еще примерно 20 имели размер большой деревни — 2 тысячи жителей. К XI веку Западная Европа была редко населенной сельской местностью. Короли или их представители переезжали из деревни в деревню, собирали дань и там же на месте всё это потребляли. А уже к концу XII века таких десяти тысячных городов были сотни и существовали десятки более крупных городов. В XI веке начались крестовые походы, колонизация севера Европы. Возникли университеты, наука, литература, архитектура, ускорился технологический прогресс.

Предыстория и предпосылки реформ

Предыстория революции XI–XII веков складывалась из двух традиций — германской и римско-христианской. В середине первого тысячелетия Европу заселили пришедшие германские племена — франки, алеманы, готы, бургунды, лангобарды, англлы, саксы, вандалы и др. Это были люди, жившие общинами и привыкшие к самоуправлению. Каково было мировоззрение древних германцев, как они представляли себе мир? Во-первых, они считали, что отношения между людьми должны соответствовать принятым нормам, традиционным установлениям. Во-вторых, эти отношения рассматривались как «перемещение» чести и судьбы: если один человек убил другого, то у убитого улучшилась судьба и увеличилась честь, а род или семья убитого, соответственно, честь потеряли. Поэтому санкцией за убийство было не наказание, а расплата, вира, — так же, как говорила об этом Русская правда, которую принесли на Русь варяги. Вира была компенсацией за то, что было захвачено, она означала встречное перемещение чести, денег и т. п. Чтобы получить эту компенсацию, сторонам надо было или договориться или судиться на народном собрании. В тех же случаях, когда было неясно, кто прав, а кто виноват, устраивался Божий суд. С этим мировоззрением германцев хорошо сочетались латинская традиция и особенности мировоззрения Западной церкви, о которой говорилось в предыдущем разделе.

Другим исходным моментом Папской революции было распространение христианства. Во-первых, христианство — это вера не в какие-то враждебные силы, а в единого Бога, который создал единый мир. Во-вторых, он послал своего сына, чтобы спасти человека; для христианства характерно доброжелательное отношение мира к человеку. Кроме того, для христианства все люди одинаковы в принципе, они должны хорошо относиться друг к другу, поэтому христианству свойствен идеал мира. Это не было только благим пожеланием: в XI–XII веках и даже немного раньше в Европе возникло движение за мир, стали устанавливать «мирные» дни, когда нельзя было воевать. Наконец, священники и монахи умели читать и способствовали распространению грамотности.

Говоря об организационных особенностях западного христианства, нужно помнить, что примерно до того периода, о котором идет речь, западное христианство и восточное православие отличались в этом смысле очень незначительно. На Западе были почти такие же священники, как в Византии, которые, может быть, были еще больше привязаны к местной жизни. Священники не слишком отличались от мирян: они могли жениться, иметь детей и владеть собственностью, вступать в сделки. Известно, что в России до XVIII века и даже кое-где позже священника выбирали в деревне из своих: «ты будешь попом». В Европе священника или епископа тоже выбирали, или его назначал местный граф или барон.

Важно помнить, что до определенного времени (примерно до IX–X веков) установкой христианства было спасение души и отрицание всякой ценности этого мира. Во времена раннего средневековья люди жили по традиции и не делали попыток ее изменить. Но затем церковь — речь идет о католической церкви — вознамерилась переделать саму себя и окружающий мир посредством права.

В X веке возникло Клунийское движение — по названию монастыря в Клуни, который находился на территории нынешней Франции, но подчинялся не местному феодалу, а папе римскому. Монастырь в Клуни был основан в 909 году. В 931 году папа римский даровал монастырю привилегию принимать под свою юрисдикцию монастыри, возрождавшие у себя строгий духовный и аскетический образ жизни. В конце концов образовалась сеть примерно из 2 тысяч монастырей по всей Европе, так называемая клунийская система, подчиненная клунийскому аббату и папе. Это была отдельная организационная структура — организационный зародыш Папской революции.

Наконец, предпосылкой — или обстоятельством — реформ стало возникновение королевской власти. Кроме германских племенных вождей появились также короли, которые были озабочены тем, чтобы объединять свои владения. Эти формирующиеся новые королевства часто были противниками папы, но заимствовали папские институциональные реформы.

Борьба за инвеституру

Распространяя Клунийскую систему, церковь сделалась юридическим лицом, корпоративной общностью, не зависящей ни от имперских, ни от королевских, ни от городских или феодальных властей. Были сформулированы автономные своды права сначала в рамках церковной сферы, а потом и для различных областей светской жизни.

Важным фактором реформ была личность совершенно удивительного человека по имени Гильдебранд, который происходил из Италии. В течение многих лет он был советником нескольких пап, а потом сам стал папой — Григорием VII. По существу, в течение четверти века он определял политику церкви. Это был очень честолюбивый, умный и жесткий человек⁶:

Кардинал Петр Дамиани написал ему: «Я уважаю папу, но тебе я поклоняюсь, простершись ниц: ты делаешь его господином, а он тебя богом». И далее, жалуясь на его безграничный деспотизм и огромное честолюбие, он называет его «святым сатаной». Позднейшие историки именовали Григория VII еще и «адской головешкой».

В XI веке папы развязали войну с германским императором — «борьбу за инвеституру», т. е. за право назначать епископов. Если папа римский имеет право назначать епископов, а местный феодал не может в это вмешиваться, то, соответственно, епископ подчиняется папе и не подчиняется феодалу. Тогда вся церковь, как и сеть клунийских монастырей, превращается в единую корпорацию. Но для того чтобы это стало возможным, нужно было совершенно изменить механизм организации церковной жизни.

Дело доходило до очень живописных сцен. В 1077 году в Каноссе папа Григорий заставил германского императора четыре дня босиком стоять на снегу в мешке вместо одежды, для того чтобы папа его простил. Перед этим была долгая борьба, у сторон много раз сменялись победы и поражения. Борьба продолжалась еще долго и после Каноссы, и окончательно вопрос решился уже через много лет после смерти папы Григория, только в 1122 году и путем компромисса. Действительно, священникам запретили жениться, продавать должности, папу стал выбирать конклав, однако епископы остались, как мы бы сказали, «двойного подчинения». Их рукополагал папа, назначая как бы «по духовной линии», а по светской — король или император, т. е. светская власть.

Параллельно (и в очевидной связи с этим) происходила борьба за этические стандарты в церкви. До этого времени места епископов и священников

---

⁶ *Таксиль Лео*. Священный вертеп. Харьков: Литера Нова, 2010. 496 с.

продавались и покупались. К тому же у священников были семьи, а значит, можно было назначать своих, оставлять место в наследство. Все это в целом было очень похоже на церковную жизнь православных, которая в этом отношении не перестраивалась (не случайно по-английски наша церковь называется *orthodox*, ортодоксальной). Но в католической церкви, для того чтобы превратить ее в отдельную организацию, папы стали бороться со всеми этими явлениями.

В результате возникла католическая церковь как отдельная корпорация. Это была разбросанная по всей Европе система монастырей, епископов, священников, монахов. И поскольку она была дисперсная, то управлять ею с помощью административной вертикали было трудно. Поэтому она была организована по правовому принципу и управлялась посредством права. Возникла новая система: Ватикан издавал правовые нормы и затем следил за их исполнением, а провинившихся наказывали.

Институциональная революция

В результате Папской революции возникли институциональные новшества. Вслед за католической церковью появились другие корпорации, которые были организованы вокруг собственных правовых норм. Это были светские государства, города, гильдии, университеты. Возникла отдельная сфера коммерческой жизни, где корпорации только еще начинали складываться и где не было правового регулирования из одного центра, но которая во многом действовала по тем же принципам.

Каковы были эти принципы?

Во-первых, *право*, для того чтобы стать инструментом управления и организации, *должно развиваться по своей собственной логике*, его нельзя «сочинять» произвольно, к нему следует относиться, как к живому организму. Как учат будущих юристов? Словами Бермана, наука права, которой они обучаются, «существует в диалектическом отношении к реально существующим правовым учреждениям». Юриста учат понимать право как систему, понимать *дух права*. Право как система — это не набор документов, но также нельзя сказать, что право — это набор идей или социальная организация людей, которые этим занимаются. *Система права* — это всё вместе, это целостность, которая имеет свою логику и свою структуру, она живет своей отдельной жизнью. Право тоже является своего рода корпорацией, но корпорацией не только организационной, не только состоящей из людей, — оно является как бы живым и целостным существом.

Во-вторых, *управление корпорациями стали доверять специальному корпусу профессионалов*, прошедших специальное обучение. Для церкви это были священники. Произошло отделение священников от мирян, и это

было прототипом выделения того, что с тех пор почти уже тысячу лет существует как *профессии*. Профессии — юридическая, врачебная, профессия университетского профессора, профессия ученого — представляют собой особые группы людей, соблюдающих *правила профессионального поведения* в отношениях между собой и с непрофессионалами. Они проходят через специальный механизм социализации. Чтобы стать членом профессионального сообщества, люди учатся и должны сдавать экзамены⁷.

Из всего этого следует третий принцип: *право выше политических властей*. Ни один король, ни один епископ в каждый данный момент не может нарушить право.

Глоссаторы и схоластика

Когда возникла необходимость в праве, в библиотеках отыскивали Кодекс Юстиниана. Даже и во времена его создания в VI веке Кодекс был уже довольно пестрой сводкой положений и цитат из различных римских источников, отчасти адаптированной и приведенной в порядок. Это не был специально составленный целостный документ, который полностью соответствовал хотя бы современным ему условиям, но к XI веку, т. е. через 500 лет, и в другой среде — ясно, что он не соответствовал фактам жизни. Кроме всего прочего, в Кодексе были противоречия, в том числе богословского характера. Поэтому возникла необходимость его понимать и интерпретировать. И вот в Болонье в конце XI века, а потом в Париже, Оксфорде и в других местах было создано то, что потом стало называться университетами. Поначалу же это были места, где знатоки обсуждали старинные правовые документы, читая их часть за частью и выясняя, что тут имеется в виду. Например, если написано «раб», то к кому сейчас можно применить это слово? Или как это соотносится с христианским тезисом о том, что все люди равны? Выясняли понятия, объясняли противоречия, уточняли нюансы — и писали на полях комментарии — *глоссы*, поэтому занимавшихся этим стали называть глоссаторами. Такая процедура обсуждения дала начало схолистике. Истину искали посредством диспутов, и так возникла наука, которая потом вышла за пределы юридической тематики, перешла в философию, стала применяться к богословию и т. д.

Очень интересно соотношение того, что происходило в университетах, с тем, что делалось в судах. Обсуждение и комментирование Кодекса Юстиниана происходило в Болонье или в Париже, а в это время где-нибудь в Бургундии вел суд неграмотный барон, и он принимал решения. Возможно, ка-

---

⁷ *Freidson E.* Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

кой-нибудь монах-секретарь мог ему подсказать, что данную проблему в Париже трактуют вот таким образом. Это знание, почерпнутое в университете, могло быть подспорьем для судебных решений, но это не был закон, это не было обязательной трактовкой, обязательной нормой. Проникновение римского права в судебную практику произошло примерно так — оно оказалось полезным. В университетах возникла высокая наука, которая стала просачиваться в практику.

Правовые системы

Итак, католическая церковь превратилась в обособленную корпорацию. Внутри нее было свое право, свои правила жизни, и церковь при этом занималась не только своими внутренними проблемами, но она имела право выносить суждения по многим вопросам, которые имели совсем не религиозный характер и не относились к внутрицерковной жизни. Это были не только религиозные дела и вопросы морали, но, например, сюда относилось договорное и наследственное право: поскольку договор основывался на клятве, а наследование — на выражении воли, то это были вопросы, которые попадали под юрисдикцию церкви.

Была создана первая западная правовая система — каноническое право, право католической церкви. Но, определив свою сферу компетенции, отделив ее и не пустив чужих в эту сферу, церковь тем самым создала понятие светского государства. Нужно сказать, что понятие светского государства имеет то же самое происхождение, и появилось в тот же период — это как бы оборотная сторона Папской революции. Если византийский император был Божий помазанник и *внешний епископ*, который председательствовал на церковных соборах, — а, собственно, до этого времени и западный император так же участвовал в церковной жизни, — то после реформ это перестало быть его делом.

Но одновременно возникла идея правового государства. Короли стали тоже управлять на основе права. Это имело и чисто техническое удобство. Скажем, Вильгельм Завоеватель покорил Англию, и его потомкам надо было ею управлять — в отсутствие почты и телеграфа. Поначалу король писал письма-инструкции (*writ*, от латинского *breve*, краткий) какому-нибудь своему представителю: поезжай, посмотри: Джон у Питера отобрал поместье, поместье ты ему верни, а Джона накажи. Потом оказалось, что до всех этих дел руки не доходят, и тогда письма стали писать по-другому: *вроде бы* Джон у Питера отобрал поместье, ты пойдешь, *разберись* — если это действительно так, то тогда накажи *по закону*. Другой же представитель короля объезжал Англию и везде смотрел, все ли дела разбирались так, как велел король. В результате таких и аналогичных действий в Англии возникла пра-

вовая система — в том числе *Common Law*, общее право, — которая отличается от континентальной, но которая тоже сложилась под влиянием римского права⁸.

Феодальная система. Хотя феодальные отношения возникли раньше, начиная со времен Карла Великого, кристаллизовались они и стали осознанными именно в XI–XII веках.

Манориальная система. Манор — это примерно то же, что и наше поместье, однако на Западе отношения были определены более четко. Если феодал получал землю, то он получал и право быть судьей: «Каждый барон суверен в своем баронстве». Связано это было в первую очередь с тем, что управление на Западе в гораздо большей степени было судом, а не отдачей приказов. По мере упрочения христианства отмирало рабство. В XI–XII веках повинности крестьян стали регулироваться значительно точнее. К XII веку все крестьяне в Западной Европе имели охраняемые законом права. Суд и управление осуществлялось курией, т. е. советом, в котором, как правило, председательствовал стюард (замещавший сеньора) и которая включала всех, «вплоть до последнего серва».

Города и гильдии. Они в большом количестве появлялись в этот период. Городское право часто основывалось на писаных хартиях, устанавливавших организацию управления и права. Это были дарованные грамоты, которые подписывал местный феодал, — кстати, как и для университетов. Там устанавливалось, что города имеют право делать, а что не имеют, и как они должны управляться, — это была писаная конституция. Города и гильдии были объединениями людей, которые клялись помогать и защищать друг друга. Конкурировать можно было с чужими, но внутри своего сообщества, конечно, конкуренция была нонсенсом. Города были коммунами, основанными на договорности отношений и личном участии. Гражданские права включали рациональную судебную процедуру и вынесение решения «равными». Горожане были свободны от феодальных повинностей.

Торговое право регулировало деятельность особого сословия людей (купцов) в особых местах (на ярмарках, рынках, в портах). Например, при Лейпцигской ярмарке были представители, которые разбирали споры.

Наконец, *университет*. Он был разновидностью гильдии и тоже имел хартию, которую выдавали хозяева данной земли или города. Так, Парижский университет был основан епископом, а Болонский — итальянской мар-

---

⁸ Римское право — это логическая основа, на которой юристы учатся профессионально думать. На самом деле, римское право, которое вышло из рук глоссаторов в XI–XII веках, и римское право самих римлян — это разные вещи, и надо очень тщательно разбирать, каковы между ними различия. Как говорилось, их разделяет период в тысячу лет, в течение которого в Западной Европе римского права не было.

кизой (специально для того, чтобы переманить туда известного юриста). В основу жизни университетов был положен принцип университетской свободы — право студентов и преподавателей обсуждать любые факты и мнения. Этот принцип в западных университетах существует до сих пор: полиция не имеет права входить на университетскую территорию.

Военная революция XVI–XVII веков

Работа Майкла Робертса⁹ — это замечательный пример того, как одна статья, вернее даже доклад, сделанный в 1955 году по довольно случайному поводу не в самом знаменитом университете в Белфасте, вызвал огромный резонанс по всему миру и обсуждение его идей. Опубликованная 10 лет спустя статья Джоффри Паркера¹⁰, продолжает и уточняет эти идеи.

Примерно за 20 лет до Робертса пионер английской военной истории Чарльз Оман неосторожно написал, что XVI век представляет собой один из наиболее неинтересных периодов в военной истории. Робертс же показал, что дело обстоит ровно наоборот. Кратко, утверждения Робертса с поправками Паркера состоят в следующем.

— В этот период возникла новая линейная тактика боя; рыцари, которые воевали бесформенной массой, вытесняются пехотой, построенной в линию или в другие боевые порядки.

— В связи с этим возрастают требования к дисциплине и качеству обучения солдат и офицеров.

— Армия становится хорошо устроенным организмом, каждая часть которого повинуетя импульсам, исходящим сверху.

— Наемные армии заменяются постоянными, состоящими из рекрутов.

— Резко растут военные расходы.

— Поэтому ведение войны монополизировалось государством.

— Возникает необходимость в централизации государств, появляются абсолютистские монархии.

— Происходит резкий рост промышленности, и начинается лавинообразный процесс экономических, социальных, политических и культурных перемен.

Иными словами, изменения в военной тактике привели к далеко идущим логистическим последствиям. Понадобились солдаты, не столько об-

---

⁹ Roberts M. *Military Revolution, 1560–1660*. Reprinted with amendments in *Essays in Swedish History*. London, 1967. P. 195–225.

¹⁰ Parker G. The “Military Revolution”, 1560–1660 — a Myth? // *The Journal of Modern History*. 1976, Jun. Vol. 48, Issue 2. P. 195–214.

ладавшие храбростью и индивидуальными навыками боя, сколько идеально выученные и дисциплинированные, способные вести себя в бою, как винтики в машине. «И эти винтики должны были научиться шагать в ногу и выполнять движения полностью в унисон — их даже одинаково одевали» — пишет Паркер. Такое обучение стоило денег, поэтому обученные за государственный счет армии стало невыгодно распускать в мирное время, появились постоянные армии.

Имея такие новые армии, стало возможным принципиально усовершенствовать военную стратегию. Можно было манипулировать частями и даже воевать несколькими армиями.

Далее, численность армий стала быстро расти, они могли быть настолько большими, насколько хватало денег. И поскольку военные расходы резко увеличились, то войну смогло вести только государство, причем государство, способное собирать налоги. В результате возникли абсолютные монархии, а для снабжения армии и пополнения казны потребовался быстрый экономический рост. И то, что мы знаем из экономической истории о первоначальном накоплении и монетаристах, как раз относится к XVI–XVII векам.

Вклад Паркера, который, кроме рассматриваемой, написал и другие работы, состоит в том, что он раздвинул временные и географические рамки анализа и показал, что многие черты новых армий были присущи не только одетым в униформу «тонким красным линиям» XVII и последующих веков, но ими обладали уже ренессансные пехотинцы, воевавшие холодным оружием — пиками или алебардами. Кроме того, он написал, что военная революция включала три компонента — огнестрельное оружие, новые крепости и рост численности армий¹¹. И эти три инновации повлекли за собой все остальные новшества — военные, а потом политические, социальные и культурные.

Отступая во времени немного назад, мы видим, что в XIV–XV веках существовала промежуточная военная система, которая помогает понять логику развития армий. Вместо прежних феодальных ополчений в Европе воевали наемники и крестьянская пехота — швейцарцы, немецкие ландскнехты или шотландцы. Это была дисциплинированная масса людей, как

---

¹¹ Особенности новых звездообразных крепостей, называемых «итальянский след», *trace italienne*, или, по-русски, бастионной системой укреплений, легко понять, если сравнить устройство Петропавловской крепости и московского Кремля. Старые крепости, такие как Кремль, штурмовали, забираясь по лестницам наверх. Петропавловская крепость должна была выдерживать пушечный огонь. Она имеет низкие звездообразные бастионы, которые дают возможность защитникам простреливать рвы.

правило, вооруженных пиками или алебардами, построенная в колонну, которая мощной лавиной накатывалась на врага и пробивала его ряды. Потом к этой тактике добавилось огнестрельное оружие.

Нужно сказать, что с точки зрения темы доклада такое расширение рамок анализа имеет очень большое значение. В предыдущем разделе говорилось, что в Западной Европе начиная с XI столетия произошла организационная революция. Несмотря на ее очень сложный характер, упрощая, можно сказать, что суть состояла в том, что люди выработали новую технику самоорганизации, организации и управления. Поэтому исключительно важной оказывается мысль о том, что военная революция XVI–XVII веков была связана не только, а может быть, и не столько с изобретением пороха, сколько с тем, что сначала возникла новая организация военного дела, для которой порох и огнестрельное оружие очень «пришлись ко двору». Порох был изобретен (или о нем вспомнили) в связи с тем, что изменилась тактика войны и организация военного дела. «Исход боя стал решаться не рукопашным боем великолепно подготовленных бойцов-одиночек, а слаженными действиями масс единообразно вооруженных и обученных пехотинцев и кавалеристов, вооруженных огнестрельным оружием и поддерживаемых мощной артиллерией»¹². Военная машина была организована по принципу мануфактуры. И совершенно не случайно сами мануфактуры возникли тогда же. Это было общее организационное и институциональное развитие.

Результатом военной революции стала «протестантская военная система», созданная в Голландии, а затем развитая в Швеции. Голландские реформаторы сделали ставку не на индивидуальные качества солдата, а на выработку навыков коллективных действий. Были введены постоянное обучение и жесткая дисциплина, основанные на регулярной и стабильной выплате жалованья солдатам и офицерам.

Очень показательная вещь — эта система возникла в Голландии, которая была первой капиталистической страной. Голландцы воевали с Испанией, в то время сверхбогатой, имевшей все золото Нового Света и ресурсы всей Европы. К тому же испанцы были очень опытные в военном отношении. Тем не менее голландцы победили их за счет того, что возникла новая военная система. Это были дисциплина, обучение и вследствие этого — возможность управления войсками.

---

¹² Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М.: ЭКСМО, 2010. 448 с.

Реформация и дух капитализма

На вопрос «Что такое капитализм?» обычно принято отвечать: Макс Вебер это объяснил в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма». Имеется в виду следующее.

В течение XVI и XVII веков происходила реформация и сложился протестантский взгляд на мир и на человека, состоящий в том, что Бог уже заранее определил, кто из людей спасется в будущей жизни, а кто нет. Наиболее последовательны в этом были кальвинисты, считавшие, что нет никакой возможности изменить свою судьбу в мире ином, что все предопределено.

Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества отдельного индивида. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме — вечном блаженстве — он был обречен одиноко брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе...

Отсюда был сделан парадоксальный вывод, что каждый человек должен изо всех сил стараться выполнять свой долг, не обращая внимания на результат. Долг же состоит в том, чтобы следовать своему призванию и делать добрые дела.

Совершенно очевидно, что в немецком слове *Beruf*¹³ и, быть может, в еще большей степени в английском «calling» наряду с другими мотивами звучит религиозный мотив — представление о поставленной Богом задаче, и звучит он тем сильнее, чем больше в каждом конкретном случае подчеркивается это слово <...>

Безусловно новым было, однако, следующее: в этом понятии заключена оценка, согласно которой выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека...

Однако есть и другая формулировка. Согласно этим взглядам, высшая цель протестантской этики состоит в наживе. Однако не просто в наживе:

...во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов: эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «сча-

---

¹³ *Профессия, специальность*. Здесь — *Призвание* (устар.).

стью» или «пользе» отдельного человека. Теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни.

Для иллюстрации Вебер приводит длинную цитату из Бенджамина Франклина. Вот начало этой цитаты.

Помни, что *время — деньги*; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен — если он расходует на себя всего только шесть пенсов — учесть не только этот расход, но считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов.

<...>

Помни, что *кредит — деньги*...

<...>

Помни, что деньги *по природе своей плодоносны и способны порождать новые деньги*... и т. д.

Важно не наполнять копилку, а *стараться* ее наполнять. В этом мировоззрении не только жажда наживы становится «бескорыстной», но и любовь к ближнему — «бесчеловечной».

«Любовь к ближнему», мыслимая только как служение Богу, а не твари, находит свое выражение в первую очередь в выполнении профессионального долга данного *lex naturae*¹⁴; при этом «любовь к ближнему» обретает своеобразный объективно безличный характер, характер деятельности, направленной на рациональное преобразование окружающего нас социального космоса...

<...>

В католической религии «расколдование» мира — устранение магии как средства спасения — не было проведено с той последовательностью, которую мы обнаруживаем в пуританской, а до нее в иудейской религии. Католику предоставлялась возможность обрести благодать, сообщаемую таинствами его церкви, и тем самым преодолеть несовершенство человеческой природы: священник был магом, совершавшим чудо пресуществления, в руках которого была «власть ключей»: к нему мог обратиться верующий, преисполненный раскаяния и готовности к покаянию... Кальвинист не знал этого милосердного человеческого утешения и не мог, подобно католику и даже лютеранину, надеяться на то, что минуты слабости и легкомыслия будут уравновешены последующей концентрацией доброй воли. Кальвинистский Бог требовал от своих избранных не отдельных «добрых дел», а святости, возведенной в систему...

---

¹⁴ законом природы.

Предприниматель чувствует себя орудием Бога, способствующим установлению правильного порядка на земле. Добавлю от себя, что радость и гордость испытывает не только предприниматель, который способствовал процветанию, но способствовал косвенно, для которого это было результатом его погони за наживой. Не менее, а может быть, и более важно то, что в своем стремлении делать добрые дела «протестантский человек» готов активно обустривать мир и совершенно другими способами. Совершенно не случайно, что в очень кальвинистских по происхождению Соединенных Штатах мы видим сочетание духа бизнеса с благотворительностью и *некоммерческим* предпринимательством, не направленным на получение какой-либо личной выгоды. Создавая благотворительный фонд или поддерживая новое направление в науке, человек точно так же выполняет свой долг. В своем состоянии «неслыханного дотоле внутреннего одиночества» он делает это, полагаясь часто только на свое собственное суждение, — иногда как экстравагантный чудак, а иногда как опередивший свое время новатор.

Итак, важнейшей новой мировоззренческой парадигмой стал протестантизм, отказавшийся от идеи обмена греха на благодать — и, соответственно, от роли церкви как посредника. Вспомним, что мы говорили о новой технике общественной организации, возникшей со времени Папской революции. Эта техника была основана на представлении о праве — и в более общем виде — об общественной парадигме как о «живом организме», обладающем своим «духом» и логикой развития. Но теперь этот организм больше не нуждался в обслуживании профессионалов. Каждый человек становился полностью обособленным индивидом и частью безличной парадигмы: он больше не должен был ни с кем согласовывать свои отдельные действия, а должен был сам понимать этот «дух» и действовать по заданным правилам. С помощью тех или иных догматических обоснований ему была определена роль инструмента в развитии мира.

Либеральный порядок

Слово «либерализм» понимается по-разному, иногда совершенно противоположным образом. В своей статье Фридрих Хайек¹⁵ говорит о той системе, которая сложилась в Англии в конце XVII и XVIII веке, и о которой писали Джон Локк, Дэвид Юм и Адам Смит. Это словоупотребление нужно отличать от другого широко распространенного — особенно в Америке —

---

¹⁵ Hayek F.A. The Principles of a Liberal Social Order // The Essence of Hayek. Stanford, CA: Hoover Institution, 1984.

употребления слова «либерал», где оно обозначает человека, который хочет переделать жизнь на каких-то рациональных принципах.

Новый общественный порядок возник примерно в конце XVII — начале XVIII века в результате борьбы за ограничение королевской власти и в связи с некоторыми особенностями общественного устройства в Англии. В попытках осмыслить этот новый порядок сложилось то, что можно назвать теорией либерализма.

(Л)иберализм... не результат теоретического конструирования, он возник из желания распространить и обобщить полезные результаты, которые неожиданно последовали вследствие ограничений, наложенных на власть правительства, просто по причине недоверия к власти имущим. Только после того, как обнаружилось, что... личная свобода... произвела беспрецедентное материальное благосостояние, были предприняты попытки разработать систематическую теорию либерализма...

Если говорить лозунгами, то либерализм — это учение о свободе, в то время как демократия — это вопрос о власти.

Либерализм и демократия, хотя и совместимы, однако не одно и то же. Первый озабочен объемом власти правительства, вторя — тем, кто имеет эту власть. Разницу лучше всего видеть, если рассмотреть их противоположности: противоположностью либерализма является тоталитаризм, в то время как противоположностью демократии является авторитаризм.

Либерализм основан на определенном представлении о мире.

Следует специально подчеркнуть, что эти две социальные философии... основываются на совершенно разных философских основаниях. Первая основывается на эволюционной интерпретации всех явлений культуры и мысли и на представлении об ограниченности силы человеческого разума. Вторая основывается... на представлении, что все феномены культуры — это продукт сознательного конструирования, и на уверенности в том, что возможно и желательно перестроить все существующие институты в соответствии с заранее разработанным планом.

Таким образом, либеральный взгляд основывается на том, что мир эволюционно развивается, его нельзя конструировать. Наша способность понимать, предсказывать, предвидеть очень ограничена, поэтому в действие общественных сил лучше поменьше вмешиваться. Необходимо некое смирение, которое позволяет только немного адаптироваться к тому, что происходит. Еще раз обратим внимание на то, что мы опять имеем дело с идеей

общественной системы, как «живого организма», развитие которого происходит в соответствии с его «духом».

Как же можно описать *устройство* либерального общественного порядка? Вот, что говорит Хайек:

Центральная идея либерализма — это то, что на основе выполнения универсальных правил справедливого поведения, защищающих известные частные домены индивидов, сам собой формируется спонтанный порядок человеческой деятельности, имеющий намного большую сложность, чем можно было бы организовать на основе специального плана, и что, следовательно, принуждение со стороны правительства должно быть ограничено обеспечением выполнения таких правил, каковы бы ни были другие услуги, которые правительство может одновременно оказывать...

Таким образом, во-первых, каждый человек здесь как бы заключен в «кокон», который Хайек называет его собственной территорией, *private domain*. «Кокон» включает собственность человека (в буквальном, материальном смысле), а также его личность, здоровье, репутацию. По-другому можно сказать, что человек имеет как бы собственный «огород», обнесенный забором. Внутри него человек может делать все что хочет — но только внутри.

Потому что второй принцип либерального порядка состоит в том, что залезать в чужой «огород» нельзя. Все законы формулируются только в негативных терминах, в терминах запрета на вмешательство в чужие дела. Они никогда не предписывают действие — «Иванов должен сделать то-то», а всегда говорят, что «никто не должен...». Не должен посягать на чужое здоровье, не должен посягать на чужую собственность и т. д. Функция принуждения со стороны государства сведена только к обеспечению правил справедливого поведения, которые представляют собой исключительно запреты на нарушение частных прав. При этом к правилам поведения должен применяться критерий универсальности, о котором говорил еще Кант: эти правила можно выработать, если задуматься о том, как могли бы действовать *все люди без исключения*.

Третий принцип (хотя он вытекает из первых двух) состоит в том, что взаимодействие между людьми может быть только добровольным и основанным на взаимности и обоюдной заинтересованности.

Справедливость для либерального порядка — это характеристика поступков, а не состояния дел. Такие требования, как равный доход или стабильные цены, сюда не относятся. И наоборот, несправедливостью считается нарушение границ частных доменов.

Неотъемлемой частью либерального порядка является понятие *свободы*, которое принципиально отличается от привычного нам русского поня-

тия, которое лучше обозначать словом *воля*. Свобода в либеральном общественном устройстве — это «территориальное» понятие, это мой «огород», где я хозяин и где я могу делать все что хочу. В том числе могу, как хочу, использовать все ресурсы, которые там находятся. В отличие от этого, наша воля — это возможность делать то, что я хочу, независимо ни от каких обстоятельств, в том числе это возможность залезть в чужой огород. Наша борьба за свободу означает, что мы хотим иметь больше влияния на других людей и одновременно не хотим, чтобы кто-то имел влияние на нас. В то время как в либеральном обществе борьба за свободу — это защита моего «огорода» от посторонних посягательств, и все законы формулируются именно в этих терминах.

Именно наличие у каждого такой «территории», где человек — полный хозяин, и дает ему возможность вводить инновации, никого не спрашивая. Свобода обеспечивает возможность творчества, при этом либеральный порядок исключает постановку каких-то всеобщих целей. Именно такое устройство жизни позволяет создавать сложную организацию общества, притом что общее регулирование отсутствует. Такая организация также дает возможность людям сосуществовать не только в малых группах, т. е. не только там, где все друг друга знают, а и в больших сообществах.

Национальное государство и массовое общество

Книга Эрнеста Геллнера¹⁶ не только интересна, ее чтение вызывает еще и эстетическое удовольствие, она невелика по объему и написана с большой концептуальной ясностью. Книга непосредственно посвящена теме возникновения современных национальных государств и наций, но на самом деле содержание ее намного шире, она прекрасно объясняет индустриальный период развития Запада. Применительно к проблеме национализма Геллнер анализирует институты этого периода.

Прежде всего, говоря о национализме, Геллнер предупреждает, что этот термин не имеет никакого эмоционального оттенка.

Термин употребляется в нейтральном смысле и не содержит оттенка как одобрения, так и неодобрения. Он употребляется в книге для обозначения принципа, требующего, чтобы политические и этнические единицы совпадали, а также чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу.

---

¹⁶ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

Политическая общность — это страна, где действует один порядок и все подчиняются одной власти. Культурная общность — это люди, говорящие на одном языке и друг друга понимающие. Национализм означает принцип, в соответствии с которым эти два контура должны совпадать. В тех же случаях, когда люди одной и той же культуры живут в разных странах, это может стать проблемой.

Дело в том, говорит Геллнер, что принцип национализма не случайно возник на индустриальном этапе развития общества. Небывалый накал национализма в XIX–XX столетиях есть отражение другого явления — индустриализма, т. е. способа производства, созревшего именно в этот период. И вот именно этот новый индустриальный общественный порядок не предполагал замыкания в маленьких сообществах, а требовал взаимодействия огромного числа разных людей в большом, массовом человеческом мире.

Когда мы говорим про индустриальное массовое общество, мы должны понимать, что деятельность человека там связана с передачей сложных понятий другим людям при помощи стандартизированного способа выражения. Это тот же самый вопрос, о котором мы говорили в разделе о военной революции XVI–XVII веков: манипулировать массой людей стало возможно лишь тогда, когда придумали технику передачи информации, стандартизированный способ выражения управленческих воздействий. Понадобилась техника коммуникации, при которой сообщение должно передавать целостную и определенную мысль.

В нашем мире работа может быть выполнена только людьми, которые получили образование, грамотными, способными следовать руководствам и инструкциям. Которые не только умеют читать, но и могут воспринимать то, что им говорят, так, как это предполагает человек, который говорит. В этом смысле возникновение наций — это поздний процесс, это феномен XIX–XX веков. До индустриального времени люди совершенно не были озабочены тем, что они говорят на разных диалектах и разных языках, какой они национальности — этот вопрос не возникал. Доиндустриальный мир был чрезвычайно богат культурными различиями, которые имелись у каждой народности, племени, даже небольшой деревенской общины. Что касается высших классов доиндустриального общества, то им очень часто было выгодно относиться к другой национальности или даже просто приписывать себе другую национальность, потому что это помогало им выделяться.

Однако эти исходные доиндустриальные различия имеют мало общего с понятием нации, почти все они подверглись искажениям и разрушились «в страшном, безжалостном “плавильном котле” раннего индустриализма». Националистические теории, теории тех, кто борется, кто занимается не аналитикой, а борьбой, обычно рассматривают нации как устойчивые, естественные социальные общности, которые лишь начинают действовать,

или, используя любимое выражение националистов, «пробуждаются» в эпоху национализма.

Образуется неразрывная связь культуры и государства.

По самой природе своей производственной деятельности индустриальное общество является огромным, анонимным, мобильным и нуждается в хорошей коммуникативной системе для общения, независимо от ситуации. Такова современная культура. Она нуждается в обеспечении образовательными учреждениями и в их защите, и лишь государство в состоянии обеспечить и то и другое. Это и создает ту критическую связь культуры и политики, которая составляет сущность национализма. Современный человек уже не подчиняется главе родственной группы, вере или своему господину; он является в первую очередь подданным своей культуры. И происходит так совсем не потому, что он прислушивается к мистическому, атаквистическому зову крови. Совсем наоборот: он реагирует на очень современную ситуацию и на предъявляемые ею требования не потому, что он каким-то особым образом поработан или подкуплен, а именно потому, что на него оказывают влияние его работа и жизненное положение.

«Загадка современного духа, — говорит Геллнер, — это универсальная понятийная база, единая мера вещей».

Под общей или единой понятийной базой я имею в виду, что все явления существуют в едином, непрерывном, логически выстроенном пространстве, что определения этих явлений могут быть соотнесены и, по существу, связаны друг с другом и что таким образом один-единственный язык описывает весь мир и является целостной системой.

Таким образом, индустриальное общество — это единство контекста, единство языка, единство понимания, которое создает пространство, в котором можно действовать. Здесь отсутствуют какие-то исключительные сферы или области, которые могут жить изолированно. Вот что такое современная жизнь, вот что такое в конце концов индустриализм. Индустриальный мир — это «конструктор», набор деталей, позволяющий собирать всё новые объекты.

Представление о мире как о гомогенной, подчиняющейся всеобщим законам и представляющей необъятное поле для исследований системе открыло возможность бесконечного комбинирования средств без заранее установленных результатов и границ: ни одна возможность не исключается, и в конечном счете лишь опыт определяет, что представляют из себя вещи и как их следует комбинировать, чтобы достичь желаемого. Это был принципиально новый взгляд.

Заранее не известно, что мы строим. Это единая коробка с запчастями, которая подчиняется общим законам. Их можно соединять друг с другом, и это представляет неограниченные возможности для инноваций, для создания нового. Вспомним характеристику предпринимателя у Шумпетера: это человек, который способствует разрушению старых форм организации, техники или представлений о мире и создает новые. Геллнер говорит ровно о том же самом: нации порождает сама эта потребность в новой организации культуры.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

1. Дореволюционная Россия

От варягов до Московского княжества

Природные факторы и глубинные институты

Историки более или менее согласны относительно того, что существовали объективные причины, почему институциональная история в России имела свою специфику. Прежде всего, это более суровые условия жизни и ведения хозяйства, чем в Европе. Действовал также географический фактор — открытость территории, отсутствие естественных границ, угроза кочевников. С природными факторами связано то, что можно было бы назвать *глубинными институтами*. Во-первых, это такое явление, как очень характерная для России территориальная экспансия. Многие считают даже, что именно экспансия была самой главной особенностью, которая в конечном счете полностью объясняет специфику России и нашего национального характера. Территориальная экспансия связана и с таким институтом, как свобода перемещения. Крестьяне переходил с места на место, вырубали лес и расчищали себе землю под пашню. Вотчинники-воины тоже могли отъезжать от одного князя к другому, при этом землевладение сохранялось и князья это все время подтверждали. Князья, в свою очередь, внутри своей семьи переделывали «столы» и переезжали из города в город. Отсюда традиционно выводится и отсутствие собственности на землю и вообще на производственные ресурсы. Вместо этого возник институт прикрепления человека — к месту, социальной роли, к власти. Постоянная борьба, с одной стороны, за

свободу перемещения, а с другой стремление прикрепить людей — так же, как тема экспансии, это лейтмотивы русской истории¹⁷.

Социальные роли

Коротко можно сказать, что *семья князей* — потомков Рюрика — владела страной. Права на отдельные территории и города постоянно перераспределялись внутри семьи либо по соображениям старшинства, либо силой. *Бояре* — воины, подготовленные и экипированные за свой счет, — служили князьям, они имели право *«отъезда»* и выбора, у какого князя служить. Кроме того, они эксплуатировали свои территории — *вотчины* и в обмен на службу князю имели также возможность *кормления*, т. е. эксплуатации управляемой ими территории. Крестьяне, жившие большими семьями и деревенскими *общинами*, занимались подсечно-огневым земледелием (позднее они перешли на дву- и трехполье). Они были обложены данью. Холопы не имели никаких прав, это были почти рабы. Мы не будем касаться здесь монастырей, хотя они тоже были владельцами своего рода вотчин и играли в жизни страны очень важную роль.

Власть

Для характеристики российской традиции власти Ричард Пайпс¹⁸ придумал английское слово *patrimonial*, что по-русски перевели как «вотчинный».

Ключ к пониманию политического развития России — это государство. Государство не выросло из общества и не было ему навязано сверху. Оно скорее росло рядом с обществом и заглывало его по кусочку.

Эту специфику проще понять, если учесть историю возникновения власти на Руси. Пайпс рассказывает ее следующим образом. В IX веке варяги организовали «бизнес». Они поселились сначала на Ладоге, а потом стали строить города на пути, известном как «путь из варяг в греки». Варяги собирали дань с местного населения — не только из славян; тут жили и литовцы, и народы финского происхождения, и другие — и ехали торговать в Константинополь.

---

¹⁷ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.

¹⁸ Там же.

Таким образом, почти побочным продуктом заморской торговли между двумя чужими народами — варягами и греками — родилось первое государство восточных славян.

Татарское иго и Московское княжество

Монголы установили на Руси налоговую систему, которую заимствовали в Китае, сразу же организовали перепись населения и обложили его хорошо просчитанной данью. В каждом городе они посадили контролера, однако сами разместились не на русских землях. При этом, как известно, сборщиками выступали русские князья. Продолжались колониальные отношения, которые были и до этого, но (на современном сленге) если у варягов это была «крыша», которая «кормится с бизнеса», то тут настало время жесткой «стрижки». Эта ситуация привела к моральному разложению русских князей: они выступали уже в роли надзирателей и выколачивали налоги из собственного населения. Когда же монголов не стало, получилось, что московские князья оказались наследниками их системы сбора дани, всего аппарата сборщиков и самих денег.

Московское царство и военная революция

Книга В. В. Пенского¹⁹ очень хорошо объясняет институциональное развитие XVI, XVII и начала XVIII веков в России. Она ярко показывает, как развитие военного дела за рубежом (о чем говорилось выше в разделе, посвященном западной военной революции XVI–XVII веков) заставляло московских царей реформировать свое войско, а за ним и государственное и общественное устройство.

Пенской в целом принимает периодизацию военного дела в России, предложенную еще П. Н. Милюковым, который подразделял данный период на пять этапов развития. Примерно в конце XV века появились первые помещики и первые солдаты с огнестрельным оружием. Тогда же началось формирование государственного аппарата, которое осуществлялось по принципу *местничества*²⁰, т. е. по знатности происхождения (чем выше стояли предки претендента, тем более высокий пост он мог занять). В XVI веке при Иване Грозном было создано *стрелецкое войско*, находившееся на государственном содержании, — одна из первых в мире постоянных армий.

---

¹⁹ Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М.: ЭКСМО, 2010. 448 с.

²⁰ В значительной степени позаимствованного из польско-литовского законодательства.

Соответственно для ее обеспечения была создана система налогообложения и управления. Затем в XVII веке началось создание *полков «нового» или «иноземного строя»*, заимствование организационных форм и материальной части, импорт вооружения, обмундирования, строительство собственной военной промышленности (первые тульские заводы были созданы в 1630-е годы). К концу XVII века была проведена первая унификация «разрядов», т. е. реформа статусов служилых людей. Символом этого стало торжественное сожжение местнических книг. Наконец, был сделан последний шаг: Петр I просто перечеркнул почти всё предыдущее, ввел табель о рангах и многочисленные новые формы организации.

Как пишет Пенской, первый этап этой милюковской схемы можно назвать «османской моделью» военной организации. Она была похожа на военную машину в Турции, которая в это время в военном отношении была чуть ли не самой эффективной страной в мире. Основной военной силой была легкая поместная конница. Она дополнялась пехотой и артиллерией.

В середине XVI в. итогом стрелецкой реформы стал приход на смену плохо обученным и организованным, набираемым от случая к случаю отрядам пищальников постоянного корпуса пеших стрелков, похожий на корпус турецких янычар. Они были единообразно вооружены и обучены и находились на полном содержании государства.

<...>

(Одновременно) произошло создание бюрократического аппарата управления вооруженными силами. Разрядный приказ совмещал в себе функции как военного министерства, так и генерального штаба. Он был дополнен «Стрелецкой избой», преобразованной позднее в Стрелецкий приказ. С 1577 г. известен Пушкарский приказ. Приказ Большого Прихода собирал налоги и подати. Поместный приказ ведал учетом, раздачей и перераспределением поместных земель.

В XVII веке после смутного времени возникает новая волна реформ. Это было массивное заимствование — закупки, приглашение специалистов, создание параллельно со старыми войсками новых вооруженных сил.

На смену прежнему неспешному «вживлению» в старую военную организацию технических и иных новинок был запущен в действие механизм «ползучей» «вестернизации» вооруженных сил. Уже во второй половине столетия рядом со старой русской армией возникла новая, европейская.

Ближе к 1680 году началась еще более серьезная работа. Теперь уже и старомосковские части стали подстраивать под новые правила, а новые пол-

ки увеличились в численности, и возросло их значение. Были созданы система управления, снабжения, военное производство.

— Произошли изменения в организации и управлении в старомосковских частях войска.

— «Полки иноземного строя» достигли 60–70 % общей численности войск.

— Были созданы разряды — военно-административные округа.

— Произошло создание новой организации снабжения армии (приказы Иноземский, Рейтарский, Сбора даточных людей, Сбора ратных людей, Ствольных дел и др.).

— Шло дальнейшее развитие военного производства.

— Был организован сбор «даточных людей» — прообраз будущих рекрутских наборов.

Таким образом, к концу XVII века в Московском царстве возникла более или менее сложная система государственной организации и первые промышленные предприятия. Говоря же о военных результатах этих преобразований, Пенской цитирует прусского дипломата И.-Г. Фоккеродта:

(М)еньше чем в 50 лет, не только взяли назад все области, которыми сначала должны были пожертвовать своему спокойствию, до Ингерманландии и клочка Карелии, но еще отняли у поляков кроме Смоленска Киев, Чернигов и Северию, даже принудили Оттоманскую Порту, бывшую в то время на самой вершине могущества и величия своего, оставить им казаков со всей Украиной...

В то же время проблема финансирования армии не была решена. На нерешительном характере войн сказалось и несоответствие уровней развития различных сфер жизни русского общества того времени — политической и военной, социально-экономической и культурной. Это были задачи, с которыми столкнулся Петр I.

Социальная история России периода империи

Замечательная книга Б. Н. Миронова²¹ очень близка к теме институционального развития. Она плотно насыщена фактами и мыслями, и для человека, ее еще не прочитавшего, сделать это будет очень полезно. Я же ограничусь здесь изложением самых общих выводов автора.

---

²¹ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб.: Дм. Буланин, 1999 (первое издание).

Благодаря дальновидной политике самодержавия, считает Миронов, Россия не превратилась, подобно Польше, «в страну дворянской анархии». Россия добилась крупных успехов, которые общество признавало достижением верховной власти и поэтому соглашалось на подчиненное положение по отношению к ней. Институциональной ценой, которую обществу пришлось заплатить за эти преобразования, было крепостное право и крепостнические отношения, которые касались не только крестьян, но в той или иной форме и всех остальных слоев.

После Петра I Российская империя представляла собой объединение разнородных частей — культурных, социальных, этнических, — которые друг с другом находились в противоречивых, часто конфликтных отношениях. Задача власти поэтому заключалась в том, чтобы согласовывать и примирять эти противоречия. При этом государство никогда не стремилось установить тотальный контроль за обществом, оно вмешивалось только постольку, поскольку считало это необходимым.

Хотя «национальный вопрос оказывал травматическое влияние» имперское политическое устройство давало возможность управления многонациональным государством. Российская империя не была колониальной державой в европейском смысле этого слова, ни русский народ, ни «метрополия» не находились в привилегированном положении.

Имперская система государственного лидерства и балансирования между интересами различных слоев существовала достаточно стабильно, но потом претерпела масштабный кризис.

Это была достаточно эффективная политика, пока народ, прежде всего крестьянство, безмолвствовал, оставаясь по своему политическому мировоззрению стойким монархистом.

Будучи «единственным европейцем» в стране, правительство Империи постоянно стремилось внедрить правовые отношения, упорядочить жизнь на основе закона и твердых норм. Желания сделать это было, пожалуй, больше, чем возможностей, тем не менее государство постепенно приобретало легальные черты.

Осознав в начале XX в. опасность крестьянской правовой обособленности, правительство решило ее ликвидировать и восстановить единое правовое пространство. Но времени оказалось слишком мало, и императорский режим рухнул в том числе и потому, что ему не удалось включить крестьян в общий правопорядок государства.

<...>

(П)осле отмены крепостного права экологическое и демографическое давление породило сильное скрытое аграрное перенаселение в деревне...

Но ни Александр III, ни Николай II на конфискацию земель не соглашались, не хотели перешагнуть через своего традиционного союзника — 107 тыс. дворян-землевладельцев — и в то же время не хотели уступать либералам в политических вопросах... Все перечисленное создало предпосылки для революции. Война, несомненно, ускорила этот процесс... А когда большевикам удалось захватить власть и выполнить требования народа, они обеспечили себе его поддержку и смогли расправиться со всеми своими политическими противниками...

Интеллигенция и революция

Сословия в России определяются и живут во взаимосвязи с властью. Князь нанимает дружинников, царь дает землю помещикам, позднее государство заставляет дворян учиться и служить в армии. Община — это единство крепостного и крепостника. Однако в какой-то момент появляются независимые ни от кого люди, которые имеют возможность читать книги и думать.

Слово «интеллигенция» считается специфически русским. Тем не менее, как правильно пишет Пайпс, причина этого — чисто институциональная:

Интеллигенция... появляется везде, где существует значительное несоответствие между теми, в чьих руках находится политическая и экономическая власть, и теми, кто представляет (или считает, что представляет) общественное мнение.

Заголовок данного раздела повторяет название известной статьи П. Б. Струве²², который писал:

Интеллигенция в русском политическом развитии есть фактор совершенно особенный: историческое значение интеллигенции в России определяется ее отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении. <...>

Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему.

Но интеллигент — не только вне отношений с властью и оппозиционер к ней, это вообще человек идеи²³.

Такой человек вступает в особые отношения к идее: он беззащитен пе-

---

²² Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909 (первое издание).

²³ *Энгельгардт Б. М.* Идеологический роман Достоевского. Цит. по: *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского (1929).

ред ее властью, ибо не укоренен в бытии и лишен культурной традиции. Он становится «человеком идеи», одержимым от идеи. Идея же становится в нем идеей-силой, всевластно определяющей и уродующей его сознание и его жизнь.

Поэтому разрыв и напряжение между интеллигенцией и властью, интеллигенцией и народом существует всегда. Реакция власти — да и народа — на действия интеллигенции неадекватная и часто бессмысленно жесткая, что порождает бескомпромиссность со стороны интеллигенции. И так далее вдоль порочного круга. Пожалуй, это взаимное непонимание и неприятие тоже можно считать российской институциональной константой.

2. Советский Союз

К 1917 году произошли ломка и реформирование институциональной структуры Российской империи. При этом нельзя сказать, что уже просматривалось новое альтернативное институциональное устройство, скорее это было переходное состояние. Действительно, еще в 1905 году Николай II провозгласил конституцию, и сословные, формальные ограничения, правила, привилегии были, в сущности, отменены. Крестьян освободили, общину формально отменили, и 10 % крестьянства по столыпинской реформе из общины вышли. К этому добавились те, кто вышел из общины без столыпинских программ, а просто или разбогател, или уехал в город на работу. Ограничения по национальному признаку тоже исчезли, черта еврейской оседлости, существовавшая до последнего времени, тоже уже не была реальным ограничителем. В то же время большие разнородные социальные группы — в том числе неформальные сословия — продолжали существовать. Крестьяне, составлявшие 80 % от населения страны, продолжали жить совместной жизнью в общине, хотя теперь уже на неформальной основе. Помещики оказались как сословие не очень приспособленными к новой жизни — они в основном разорились. Мелкое предпринимательство и ремесло продолжали развиваться самостоятельно, крупное же сильно зависело от подрядов и договоров с правительством, займов и концессий.

В целом это был переходный институциональный режим, который продолжался в значительной степени по инерции. Когда во время Первой мировой войны возникли большие социальные и экономические напряжения, он не выдержал. Надо сказать, что, как и все другие страны, Россия втянулась в Первую мировую войну, совершенно не понимая, что делает²⁴. Все пред-

---

²⁴ *Такман Б.* Августовские пушки. М.: Молодая гвардия, 1972. 494 с.

ставления о войне в тот момент соответствовали еще той эпохе, когда воевали армии, а не страны. Теперь же шла тотальная война, люди были извлечены из деревни, вооружены и отправлены на фронт. Возникла огромная неразбериха. Многие явления и проблемы обозначились впервые, и их не умели решать. Из-за подавленной инфляции и стремления контролировать цены возник дефицит продовольствия. Еще до большевиков и до 1917 года начались конфискации зерна у крестьян²⁵.

Страну охватило ощущение растерянности — и на этом фоне она развалилась. Самым значимым институциональным фактором оказалось в этот момент наличие партии большевиков — РСДРП(б). Именно эта партия оказалась институтом, который сумел повести себя организованно и эффективно. Она состояла из людей, которые были очень решительно настроены на то, чтобы бороться со старым режимом, причем организованным образом. В партии действовал *принцип демократического централизма*, предполагавший, что меньшинство всегда подчиняется большинству. В то же время в партии была совершенно реальная внутривнутрипартийная демократия, там можно было высказывать мнения и спорить, однако когда решение принималось, то его действительно выполняли. В октябре 1917 года партия большевиков захватила власть и была настроена удержать ее любой ценой. Было принято два фундаментальных решения: во-первых, во что бы то ни стало выйти из войны, а во-вторых, раздать всю землю крестьянам (еще раз напомним, что они составляли в то время 80 % населения). В результате началась гражданская война, которую, не останавливаясь ни перед какими мерами, большевики выиграли. И красные, и белые, и другие группировки — националисты, восставшие крестьяне — вели себя очень жестоко²⁶.

---

²⁵ Существует замечательная книга «Бумажные деньги Французской революции», изданная в 1919 году, но написанная в основном еще до 1917 года, — теперь это библиографическая редкость. Ее автор Семен Анисимович Фалькнер, русский английского происхождения. Оказалось, что во время Французской революции XVIII века происходили вещи, совершенно аналогичные тому, что творилось в России периода первой мировой войны и революции Во Франции, например, отрубали голову за одно только предложение продать или купить что-то не по официальной цене; но тем не менее все это делали.

²⁶ *Из семейной истории*: В Зарайском уезде под Москвой крестьяне, у которых отбирали во время продразверстки зерно, подняли восстание (так называемые зеленые). В какой-то момент они поймали нескольких комсомольцев и зарыли живыми в землю. Потом красные поймали нескольких «зеленых», устроили суд, провели в сопровождении толпы через весь город на кладбище и расстреляли из пулемета.

Противоречия НЭПа и коллективизация

Период НЭПа исключительно интересен как «точка бифуркации». Сложившееся в это время сочетание институциональных, структурно-экономических и политических факторов привело к принятию решений почти апокалиптического масштаба. Книга Александра Эрлиха²⁷ замечательно показывает логику событий 1920-х годов, в сущности определивших развитие России до сегодняшнего дня.

Главным идеологическим принципом большевиков было построение социализма — отмена частной собственности, национализация, установление государственного контроля и планомерное развитие.

«Военный коммунизм» поначалу возник почти сам собой. В условиях подавленной инфляции, всеобщего дефицита и неизбежных конфискаций рыночные механизмы приходилось заменять административно-распределительными. К таким мерам, независимо ни от какой идеологии, было вынуждено прибегать уже царское правительство, большевики же «приняли нужду за добродетель».

Однако скоро оказалось, что насилие имеет свои пределы, и в 1921 году большевики ввели новую экономическую политику (нэп) — вместо неограниченной *продразверстки* они стали устанавливать известный заранее *продналог* и разрешили крестьянам продавать остальное зерно. Кроме того, фабрики и заводы, которые были национализированы и управлялись назначенными партийными руководителями, отпустили на *хозрасчет*.

Хотя помещичьи земли были отданы крестьянам, производство товарного зерна не росло. Поскольку теперь земля фактически принадлежала крестьянам, то они никому не обязаны были за нее платить. Поэтому в виде налогов и в виде продаж они отдавали в 4 раза меньше зерна, чем до революции. Таким образом, с одной стороны, поток зерна из деревни в город сократился в 3–4 раза, а с другой — совокупный спрос крестьян увеличился, поскольку они стали зажиточней.

Это и было основной экономической проблемой нэпа: макроэкономическое равновесие в России после революции было нарушено. Рост спроса крестьян и сокращение налоговых поступлений происходили на фоне катастрофического падения предложения промышленной продукции. Уменьшение размеров капиталов было вызвано износом в промышленности, недоинвестированием и недоамортизацией (к этому времени почти за 10 лет). Доля потребления в национальном доходе резко возросла за счет уменьшения как вынужденных, так и добровольных накоплений.

---

²⁷ Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело, 2010. (В оригинале, на английском языке книга была опубликована в 1960 году.)

Для того чтобы ликвидировать этот разрыв, необходимо было существенно увеличить производственные мощности в промышленности. Возник вопрос — где взять для этого деньги и ресурсы?

По этому поводу развернулись острые дискуссии между несколькими группами политиков, основные из которых получили название «правых» и «левых». Позиция «правых» состояла в том, что нужно постепенно развивать сельское хозяйство и легкую промышленность, инвестировать туда, где выше экономическая эффективность и где чисто экономическая отдача будет больше.

«Левые» исходили из того, что платежеспособный спрос крестьян после революции вырос, а возможностей его удовлетворить не было. Проблема недофинансирования промышленности, говорили они, — еще тяжелее, чем кажется, потому что произошла амортизация, и если сейчас (дело происходило в 1925 году) не вкладывать средства в промышленность, то крестьяне могут просто уйти с рынка. Нужно помнить, что крестьяне в это время часто еще ходили в лаптях и пахали сохой, они могли удовлетворять свои минимальные нужды практически только за счет своего собственного производства и в случае чего могли и не покупать промышленную продукцию, особенно по завышенным ценам. «Левые» делали вывод, что нужно фактически экспроприировать, каким-то образом перекачивать средства из деревни в город, но не могли предложить для этого эффективных инструментов.

На структурные и институциональные проблемы наложились политические. Когда вскоре В. И. Ленин заболел, а потом умер, между большевистскими вождями началась борьба. В это время и отдельные лидеры, и поддерживающие их группировки полемизировали в открытую как внутри партии, так и публично в печати. Но одновременно секретариат партии начал прибирать власть к своим рукам. Этот процесс связан с именем И. В. Сталина — Генерального секретаря партии. Поначалу эта должность имела буквальное значение — «главный секретарь», руководитель технической службы поддержки, который должен был обеспечивать выполнение принятых решений. Однако постепенно Сталин выстроил то, что в наше время называется «аппаратной вертикалью», — иерархию из лично преданных ему людей, которые обеспечивают подчинение в текущем, «онлайн-вом» режиме. Сталин был известен как «серость», партийные ораторы его презирали; но таковым он был в их «публичном» смысле, а в своем аппаратном он был человеком гениальным.

Позиция И. В. Сталина была в высшей степени интересна и показательна: он отмалчивался и лавировал. До 1927 года он говорил политически правильные слова в зависимости от того, кто был его политическим союзником — а его союзником до 1927 года были правые. Поэтому он боролся с левыми, которые были троцкистами, сторонниками Л. Д. Троцкого. Картина

была не одномерная, а двумерная: с одной стороны, были правые и левые в экономике, с другой — правые и троцкисты-левые в политике. Сталин поддерживал правых, которые были одновременно правыми и в политике, и в экономике, — Бухарина, Рыкова и других. Он поддерживал их предложения вроде так называемой ситцевой индустриализации, постепенной «раскрутки» экономики через развитие легкой промышленности и сельского хозяйства, но он это делал очень осторожно и без эксцессов. Когда Бухарин выдвинул свой достаточно сомнительный лозунг «Обогащайтесь!», то, естественно, Сталин под этим не подписывался. Параллельно он строил аппаратную вертикаль — расставлял своих людей, боролся со своими противниками, занимался демагогией. Вместо того чтобы побеждать на диспутах, он вытеснял своих противников методами подковерной борьбы.

Когда же к 1927–1928 году он смог отправить троцкистов в ссылку, это освободило для него левое поле экономической политики. Он уже не должен был отмежевываться от идей левых — они были сосланы в Казахстан и потом за границу. Почти одновременно с политической победой Сталина возник экономический кризис. В 1927 — начале 1928 года случился плохой урожай зерновых, при этом для других отраслей сельского хозяйства год был удачный. Поэтому крестьяне, когда у них потребовали продавать по фиксированной государством заниженной цене зерно, которого уродилось мало, просто не стали этого делать. Они сдали какое-то количество зерна как налог (который исчислялся в натуральных показателях — в килограммах, пудах или центнерах), но то количество зерна, которое государство намеревалось у них купить по стабильным ценам, они не продали. При хорошем урожае других культур у них в этот момент было всё в порядке с деньгами, и они прекрасно могли обойтись без них. Но для государства экспорт зерна был основой для импорта машин, для всей индустриализации (хотя она еще полностью и не развернулась). И тогда власть устроила принудительные заготовки. Сталин сам объехал Сибирь, посадил в тюрьму много людей, переснимал начальство. На это крестьяне ответили весной тем, что стали меньше сеять. После этого стало окончательно ясно, что ситуация неконтролируемая и что большевики сидят на пороховой бочке, которой они управлять не могут.

Вот как выглядела эта ситуация: политика умеренных темпов роста, которая усилила бы позиции зажиточных слоев деревни, сделала бы для государства (т. е. для большевиков) неизбежным балансирование между разными группами населения, т. е. ослабление власти. И если бы в деревне все шло нормально, и этот курс продолжался бы, то режим оказался бы в проигрыше в результате не только возможных провалов, но и успехов. Альтернативой же такому отступлению, которое вело к эрозии системы, было массивное контраступление, которое раз и навсегда уничтожило бы

возможность того, чтобы крестьяне накладывали вето на решения экономической политики.

В руках большевиков был репрессивный аппарат, ЧК, который осуществлял реальный силовой контроль за жизнью населения. В итоге Сталин предпринял совершенно новую меру, которая называлась коллективизацией.

Можно много рассуждать о том, был ли другой выход или его не было. Но факт состоит в том, что имела место ситуация масштабного структурного дисбаланса, который проявлялся как разрыв между поведением деревни и поведением города. Этот разрыв возник в результате скачкообразного институционального изменения во время революции, когда крестьяне получили землю — и тем самым получили право голоса. С другой стороны, власть, которая была организована на базе этого «ордена меченосцев», как называли партию большевиков, тоже имела некоторые институциональные рычаги, которыми она умела пользоваться. С помощью этих инструментов репрессивно-военного характера власть решила возникшую проблему. Правда, решила ее на тот момент, и создав новые. В виде неэффективности сельского хозяйства или же в каком-то другом измененном виде эти проблемы существовали с тех пор в нашей стране всегда и существуют до сих пор. И это будет лейтмотивом всей нашей дальнейшей истории.

Количество прямо пострадавших от коллективизации определить трудно. Как писал выдающийся знаток коллективизации, доколхозной и колхозной деревни В. П. Данилов²⁸, репрессии коснулись 4–5 % семей. Кроме собственно репрессированных было еще огромное число людей, которые бросали свой дом и образ жизни, уезжали в города и пытались там как-то устроиться. Это было время перенаселенных коммунальных квартир, где в одной комнате могло жить несколько семей, и время домработниц. Но, пожалуй, самым страшным эпизодом коллективизации стал так называемый голодомор. В 1932–1933 годах уже побеждающая советская власть железной рукой организовала закупки — или, вернее, конфискации — зерна, и возник знаменитый голод, который оценивают в 4–7 миллионов человек погибших.

Как пишет в своих мемуарах Уинстон Черчилль, во время войны он спросил Сталина, переживает ли тот теперь самый тяжелый период в своей жизни. На что Сталин ответил: нет, во время коллективизации было хуже. То есть, они — большевики, советская власть — воспринимали коллективизацию как исключительно грязное и тяжелое, однако неизбежное дело. Были ли они правы, я не знаю. Но факт состоит в том, что институциональная система страны стала другой.

---

²⁸ www.rus-lib.ru/book/35/16/355-400.html

Была создана колхозно-совхозная система. Каждый человек в деревне был или членом колхоза, или рабочим совхоза. Теоретически считалось, что колхоз — «коллективное хозяйство» — это кооператив, а совхоз — «советское хозяйство» — государственное предприятие. Фактически между колхозами и совхозами была некоторая разница, состоявшая в том, что в совхозах была небольшая, но постоянная зарплата. В колхозах же оплата велась из того, что оставалось в конце года после обязательных поставок государству. Еще нужно помнить, что люди, которые жили в деревнях, не имели паспортов, т. е. они не могли оттуда уехать. Это было новое крепостное право.

Результатом коллективизации стал масштабный кризис.

Валовые сборы зерна в 1933 году уменьшились до 684 миллионов, в 1934 году — до 676,5 миллиона центнеров. При возросших государственных заготовках (соответственно до 234 миллионов и 268 миллионов центнеров) это означало сохранение в деревне полуголодного существования. поголовье скота по СССР превысило уровень 1928 года лишь в 1958 году.

Кризис коснулся не только крестьян. В 1930-е годы люди в городах получали еду по карточкам. Затем постепенно началось восстановление сельского хозяйства. В зерновом же производстве произошла настоящая революция. Были созданы МТС — машинно-тракторные станции, которые уже к концу 1930-х годов обслуживали 90 % колхозов.

Очень важно понимать, что советская аграрная экономика — и сельская жизнь вообще — была симбиозом, неразрывным единством колхозно-совхозного сектора и личных подсобных хозяйств (ЛПХ). За исключением производства зерна, колхозно-совхозное сельское хозяйство было не слишком эффективным. Работа в колхозе и совхозе представляла собой барщинную систему. У всех в деревне были участки, размер которых составлял примерно 20 соток для каждой семьи (1 сотка = 100 кв. метров = 1/100 гектара), и это был важнейший источник жизнеобеспечения. Несмотря на эти ограничения, сектор ЛПХ производил четверть валовой продукции сельского хозяйства СССР. Его эффективность была гораздо выше, чем у общественного (кроме чисто зернового).

В заключение приведу цитату из книги Евгении Серовой «Аграрная экономика»²⁹.

В рамках централизованно планируемой экономики Советского Союза было создано явление, дотоле не известное мировой экономической практике, — государственное сельское хозяйство. В тот или иной исторический

---

²⁹ Серова Е. В. Аграрная экономика. М.: ГУ ВШЭ, 1999. 478 с.

период в той или иной стране мощный государственный сектор мог существовать почти в любой отрасли национальной экономики, но в сельском хозяйстве такое практически не встречалось.

Сталинский СССР

Захватив страну в 1917 году, большевики установили диктатуру. Тем не менее на протяжении 1920-х годов можно было говорить об объективной реальности, с которой им приходилось считаться и бороться. В первую очередь природной стихией был крестьянский мир. Покорив его, они постарались истребить и другие проявления независимой жизни — в культуре, в науке, в самой партии.

Теперь большевики получили возможность переустроить страну, конструировать ее, создавать новую жизнь. Господствующим стилем стало жесткое управление по конкретным параметрам — это мог быть план по гайкам, создание нового самолета или строительство канала. Инструментом же стало совершенно невиданное ранее манипулирование большими группами людей, более того — создание резко различных режимов жизни и перемещение людей из одного режима в другой, причем не только физически, но и ментально, с переключением их сознания.

Людей переселяли, высылали, арестовывали. Не обязательно из-за вины, а, например, по социальному происхождению, либо из-за потенциально возможного в силу каких-то причин поведения, по национальному происхождению. Но совершенно не это было главным. Это была беспощадная организационная технология, в которой человек рассматривался исключительно как материал. Например, когда нужно было обеспечить разработку какой-то инженерной проблемы, то человека могли арестовать и отправить в тюремное конструкторское бюро просто потому, что так было удобнее. Но точно так же человека могли и наградить, создать за его заслуги какую-то отдельную фантастическую жизнь. Имеется много примеров, когда вчерашнего заключенного вдруг самолетом доставляли в Москву, и на следующее утро он уже был директором института или генералом. Это была техника управления, в каком-то смысле очень эффективная. Кто-то написал, что это было время и животного страха, и сверхэнтузиазма. У людей было ощущение, что любые проблемы можно решить, и что перед ними открыты огромные перспективы.

Многоуровневая экономика

Ю. В. Яременко был не только очень известным человеком, академиком, дослужившимся до высоких научных постов, но и едва ли не единственным советским экономистом, предложившим свое совершенно оригинальное по-

нимание нашей экономики³⁰. Это понимание практически не имеет ничего общего с идеями обмена, равновесия и «невидимой руки», без которых, казалось бы, экономическую науку невозможно себе представить.

К сожалению, ему не дали назвать свою книгу так, как он хотел: «Многоуровневая экономика». Речь в ней идет об экономике, которая нацелена на быструю модернизацию. Задача такой экономики — не получение прибыли и не удовлетворение спроса, а быстрое расширение современного сектора, современного производства.

Основным, исходным понятием у Яременко выступает *качественный уровень ресурсов*. Для простоты он говорил только о двух уровнях — *качественных* и *массовых* ресурсах. Экономика, которая действует в ситуации, когда современных ресурсов — станков, рабочей силы, материалов и т. д. — мало, исходит из того, что их нужно экономить и как можно эффективнее использовать. Экономя качественные ресурсы, на все остальное можно «махнуть рукой» и тратить их столько, сколько есть. За счет этого нужно обеспечить быстрое расширение современного сектора. Понятия «современный сектор» и «качественные ресурсы» здесь синонимы.

Если предприятия выпускают качественную продукцию, то они имеют высокий уровень *приоритетности*, если же они выпускают массовую продукцию — то низкий уровень.

Предприятия не только относятся к разным секторам — современному приоритетному или массовому неприоритетному. Внутри себя они имеют тоже неоднородную структуру: поскольку качественных ресурсов мало, то предприятия устроены как пирамида. На каждом из предприятий есть один или два цеха, где используются качественные ресурсы — станки, высококвалифицированная рабочая сила, там хорошая организация, чистота и т. д., они вырабатывают какую-то современную продукцию. Эти цеха образуют *качественное ядро предприятия*. Обеспечением ядра занимается *периферия предприятия* — огромное количество людей с тачками, фигурально говоря. Сюда относятся транспортные службы, где — особенно в 1930-е годы — детали могли возить на телегах. Заключенные, которые дровами топили печки, могли бесплатно обеспечивать отопление. Так же было организовано строительство. Короче говоря, это могло быть все что угодно и в любом количестве, в то время эти ресурсы не жалели и никто не считался ни с какими затратами. За счет излишнего вовлечения массовых ресурсов происходит *компенсация* недостатка качественных ресурсов.

Все это возможно до тех пор, пока запас массовых ресурсов не исчерпывается. Уголь и руда уже не лежат на поверхности, все ближайшие леса вы-

---

³⁰ Яременко Ю.В. Структурные изменения в социалистической экономике. М.: Мысль, 1981. 300 с.

рублены, избыточного населения уже нет. Тогда начинается, наоборот, *замещение* массовых ресурсов качественными — то, что раньше считалось иногда просто уголовным преступлением. Теперь же начинают применять качественные ресурсы для того, чтобы высвободить массовые. Исторически это происходит после 1950-х годов — в экономике начинается «кругообразное движение», когда не только массовые ресурсы используют для компенсации отсутствия качественных, но и наоборот.

Для многоуровневой экономики характерен особый способ выбора технологий и организационных форм. Предпочтительными являются такие технологии, которые позволяли бы в максимальной степени использовать избыточные ресурсы. Отсюда — широкое использование ручного труда. Также предпочтительным оказывается использование стандартизованных машин и механизмов среднего технического уровня: такие машины можно перебрасывать с места на место. Экономика ориентируется на легко доступные природные ресурсы, их расходуют «без счета» и не задумываясь ни о каких экологических последствиях. Это экономика с высоким удельным весом добывающих отраслей, повышенной потребностью в энергии, повышенной потребностью в капитальных вложениях и с высокой долей транспортных расходов. Никто всего этого не сэкономил и не считал.

Важную роль играет принцип универсальности. Поскольку предприятие устроено как маленькое ядро, вокруг которого расположены обеспечивающие службы, то эти обеспечивающие службы применяют неспециализированные технологии, основанные на использовании универсальных станков, универсальных транспортных средств и т. п. В стране проще наладить выпуск, скажем, трех типов грузовиков, которые везде можно использовать, а не проектировать их специально под какие-то отдельные потребности. За счет принципа универсальности сужался круг потребителей дефицитного сложного оборудования, сокращался спрос на квалифицированную рабочую силу, продукция становилась дешевле за счет массового производства. Кроме того, решалась проблема переброски ресурсов, так как они все были универсально применимы.

Интересный специальный момент был связан с тем, что можно было не считаться с транспортными затратами. Каждое предприятие было включено в две системы связей. Первая — система связей по качественному уровню. Связанные между собой предприятия одного уровня могли быть разбросаны по всему Советскому Союзу. Из Донбасса полуфабрикаты могли везти, скажем, в Новосибирск, а потом для следующего этапа обработки продукцию перебрасывали в Крым, и т. д. Это была кооперация по качественному слою. В то же время предприятие было включено в систему местных отношений — точнее, в систему местных отношений до некоторой степени была включена *периферия* предприятия.

Однако в целом все же имела место относительная хозяйственная обособленность предприятий. На уровне качественного ядра в производственных связях преобладали одноуровневые контакты. На территориальном же уровне предприятие устанавливало связи либо с другими предприятиями того же уровня, либо обеспечивало себя само. Никакого аутсорсинга практически не было, сформировался специфический тип комплексных предприятий, которые имели сложную многоцеховую структуру, включая основные производства плюс заготовительные производства, ремонтно-вспомогательные производства, цеха непрофильной продукции, транспортные и энергетические службы, складское хозяйство и т. д. У предприятий были даже собственные совхозы, где выращивали сельскохозяйственную продукцию. Качественному уровню основной продукции соответствовало только несколько центральных цехов технологического ядра. Следствием являлась диверсификация. Поскольку на каждом крупном предприятии был представлен почти полный набор отраслей, то кроме основной продукции выпускали и какую-нибудь непрофильную.

Понятно, что для такой экономики характерны весьма высокие издержки деспециализации и издержки, связанные с повышенными затратами массовых ресурсов. Кроме того, постоянным явлением был дефицит. Дефицит качественных ресурсов был следствием того, что их было просто физически мало, это был структурный дефицит. Если, предположим, на всю страну был всего один станок, позволяющий делать некоторые детали, то этих деталей было столько, сколько их можно изготовить за 24 часа в сутки. Однако в определенный момент возникал и дефицит массовых ресурсов, связанный с тем, что их использовали без всякой меры.

Когда эти предприятия попали на рынок (а они в общем сохраняли такую структуру до 1991 года), то оказалось, что они совершенно не способны существовать без искусственного поддержания связей по качественным уровням. Когда к тому же возникает необходимость соизмерять в деньгах затраты и результаты, то такое «пирамидальное» предприятие, привыкшее все, не считая, тратить на производство качественной продукции, оказывается нежизнеспособным.

Таким образом, из теории Ярёмченко ясно видно, что при переходе от советской экономики к рыночной происходят такие институциональные изменения, которые вызывают резкую ломку всех сложившихся стоимостных и ценовых пропорций. Мы опять имеем скачок — совершенно аналогичный такому, какой произошел во время нэпа при переходе от дореволюционной к послереволюционной экономике. В 1992 году тоже произошел институциональный разрыв, который одновременно являлся и структурным — на этот раз из-за того, что предприятия стали считать деньги и перестали работать в иерархической плановой системе.

Пример: здравоохранение «по Семашко»

Одна из бесспорных «историй успехов» сталинской организации — это советская система здравоохранения. Во всем мире ее называют «здравоохранение по Семашко», хотя у нас так говорить не принято.

Основные принципы советского здравоохранения хорошо всем известны.

— Государственный характер здравоохранения: централизация управления, государственное финансирование и планирование, бесплатная и общедоступная медицинская помощь всему населению страны.

— Очень четко выдержанное профилактическое направление, проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих целью предупреждение развития заболеваний.

— Участие населения в здравоохранении, санитарное просвещение и санитарная культура.

— Единство медицинской науки и практики здравоохранения.

Участие населения в здравоохранении было важно особенно поначалу, когда большинство людей были неграмотны, а врачей было мало. Мысль о единстве науки и практики для нас тоже очень привычна. В условиях тех лет этот принцип наиболее ярко проявился в борьбе с эпидемиями и массовыми заболеваниями. Рассказывают, что где-то в Средней Азии обитали некие черви-паразиты, которые замучили местное население. Приехали ученые, провели исследование и поняли, что этот паразит проходит цикл развития, перемещаясь через цепочку из нескольких «хозяев»: предположим, сначала заражается собака, от собаки личинка переходит к свинье, от свиньи к рыбам, а уже потом заражается человек, который купается в пруду. При этом речь шла о ритуальных купаниях или омовениях, и водоем считался священным. Тем не менее, чтобы разорвать этот круг развития паразита, советская власть поставила вокруг водоема солдат, которые туда целый год никого не пускали — после чего данный паразит просто перестал существовать в природе, и проблему решили в принципе. Надо сказать, что таких примеров существует довольно много.

Организационно здравоохранение было устроено в виде министерства, которому подчинялись санитарно-эпидемиологическая служба, система медицинского образования, исследовательские институты и система оказания медицинской помощи. Это была индустрия здравоохранения, которая добилась выдающихся результатов³¹.

---

³¹ Сорокина Т. С. История медицины (<http://www.bibliotekar.ru/423/35.htm>).

— В чрезвычайно короткий срок в стране были ликвидированы особо опасные инфекции: холера (к 1923 году), оспа и чума (к 1936 году).

— В стране не было массовых эпидемий даже во время Великой Отечественной войны — небывалый факт в истории войн.

— В послевоенный период были ликвидированы тифы (брюшной, сыпной, возвратный), значительно снизилась заболеваемость желудочно-кишечными инфекциями и трахомой; к 1960 году практически была ликвидирована малярия.

— Структура заболеваемости существенно изменилась: инфекционные болезни отступили и на первый план вышли сердечно-сосудистые и злокачественные заболевания.

Но никакая медицинская служба не занималась формированием здорового образа жизни в нашем нынешнем понимании. То есть объяснять людям, что нужно не набирать лишний вес, двигаться, следить за артериальным давлением и т. д. — все такие вещи, ориентированные на человека, в этой системе выпадали. Вообще эта система была идеальна для того, чтобы бороться с инфекционными болезнями. Правильнее сказать даже — чтобы бороться с болезнями, а не лечить больных. Эта разница особенно хорошо видна, когда речь идет об инфекционных болезнях. Инфекционная болезнь — это, можно сказать, популяция микробов или вирусов, и их можно уничтожать, не обращая особенно внимания на больных людей. И эту задачу советская система здравоохранения блестяще решала.

Вот впечатления иностранца, который приехал в 1987 году в Ленинград³².

Советское здравоохранение несколько отстает от западных стандартов. Современные медицинские технологии, возникшие на Западе в последние десятилетия, не вошли в советскую систему. Конкретнее, блоки интенсивной терапии, мониторинг гемодинамики, техники лечения сердечно-сосудистых заболеваний и микрохирургия, методы компьютерной диагностики — если назвать только некоторые направления — не стали частью повседневной практики советского здравоохранения... Эта ситуация напоминает положение в США после Второй мировой войны.

<...>

Советскую медицину следует оценивать, сравнивая с ее прошлым, а не с сегодняшними западными стандартами здравоохранения. С этой точки зрения русские могут гордиться постоянными улучшениями. Основной акцент в Советском Союзе — на предоставление общедоступной бесплатной

---

³² *Friedenberg D. S. Soviet health care system // Western Journal of Medicine. 1987. Vol. 147(2) (<http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1025801/?page=1>).*

медицинской помощи, и, во всяком случае, судя по Ленинграду, эта цель достигнута.

«Социализм с человеческим лицом»

«Социализм с человеческим лицом» — по-чешски *socialismus s lidskou tváří* — слова, сказанные руководителем коммунистической партии Чехословакии Александром Дубчеком в 1968 году. Смягчение режимов сталинского типа, которое произошло в странах Восточной Европы примерно в это время, сопровождалось весьма драматическими событиями. В СССР этот процесс тоже происходил, но выглядел он как эволюция системы, а не революция. Между тем, в сущности, в 1960-е годы наступила новая эпоха — впервые в истории большинство населения составляли не крестьяне, а горожане. Политика ускоренной индустриализации привела к исчерпанию «массовых ресурсов», и стал ощущаться дефицит рабочей силы. Принципиально изменились и отношения между властью и населением, возник своего рода общественный договор.

Экономика дефицита

Книга Яноша Корнаи³³ вышла на венгерском и английском языках в 1980 году и стала у нас известна, — правда, в довольно узком профессиональном кругу — почти тогда же, хотя по-русски ее издали только через десять лет. Она оказала огромное влияние на мышление экономистов и, косвенно, на российские реформы 1990-х годов.

Эта книга объясняла устройство социалистической экономики, и это само по себе воспринималось как революция. Нужно вспомнить, что от советских обществоведов требовался не анализ, а либо апологетика системы, либо предложения по ее «дальнейшему совершенствованию».

Свой анализ Корнаи основывает на понятии *дефицита*.

Явление, о котором идет речь, хорошо знакомо читателю. Венграм и советским людям, китайцам и румынам, кубинцам и полякам в равной мере известно, что значит отстоять в очереди за мясом или обувью, а вместо покупки услышать грубость от продавца, им приходится годами ожидать ордера на квартиру, сталкиваться с остановками производства на предприятии из-за отсутствия материалов и комплектующих изделий. Дефицит влечет за собой многочисленные и разнообразные потери... Но, вероятно, самый большой ущерб состоит в том,

---

³³ Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

что продавец получает превосходство над покупателем, ущемленными оказываются независимость и свобода индивида.

Конечно, сегодня нельзя говорить о том, что явление дефицита «хорошо знакомо читателю». Тем не менее, оно присутствует не буквально, а в более общем смысле, поэтому анализ Корнаи сохраняет актуальность. Его книга содержит несколько выдающихся идей, которые я здесь перечислю.

— Равновесие не характерно для экономических систем; имеет место либо преобладание продавца, либо преобладание покупателя.

— Экономическая система социализма — это экономика продавца, она неизбежно порождает явление дефицита и соответствующие формы поведения.

— Теоретически возможно представить децентрализованную экономику, в которой не используются деньги и цены.

— Если деньги все же используются в экономике социалистического типа, то для предприятий характерно *мягкое бюджетное ограничение*.

— В своем развитии экономика социалистического типа последовательно проходит различные *степени патернализма*.

Последний тезис означает, что сущностные свойства экономики и общества советского типа проявляются на поверхности по-разному, по мере того как вмешательство власти в экономику смягчается и принимает более косвенные формы.

В командной, сталинской системе предприятию устанавливали жесткие задания и предоставляли ресурсы в совершенно конкретной натуральной форме. *Смягченная командная система*: планирование и снабжение происходило уже в натуральной форме, но предприятие имело право голоса. Об этом говорится в следующем разделе — это экономика согласований, бюрократический рынок. В такой системе дефицитом являются отдельные виды продукции.

Реформированная социалистическая экономика — это то, чего в Советском Союзе не было, но было в Восточной Европе. Предприятие могло продавать свою продукцию, покупать ресурсы, но решения об инвестициях принимало государство. Можно сказать, что именно такая система была в Венгрии, когда была написана книга Корнаи. Главными дефицитами в этом случае становятся производственные мощности и рабочая сила.

Четвертая степень — когда государство выручает предприятие в случае серьезных финансовых трудностей, и пятая — когда предприятие полностью самостоятельно. Дефицитны деньги.

В заключение добавлю небольшой комментарий. После распада Советского Союза наша страна в смысле форм патернализма прошла очень интересный путь развития, причем эти формы отличались от того, что описывал

Корнаи в 1980 году. Разумеется, сейчас он написал бы — и пишет — по-другому. В России был период в 1990-е годы, когда государство в значительных масштабах занималось распределением финансовых ресурсов. Сейчас же наступила такая стадия, когда распределяются не деньги и не потоки ресурсов (нефтяные, газовые или аналогичные), а *права*. Это, как представляется, есть еще одна степень патернализма, при которой государство продолжает распределять ресурсы, но делает это на основе юридических отношений. Я даже высказал бы полушутку — полудогадку, что страна сейчас занимается в значительной степени производством «институционального продукта»³⁴, т. е. переводом общественных и экономических отношений в правовую форму. И то, что мы воспринимаем как коррупционность судебной системы, связано именно с тем фактом, что сейчас предметом бюрократических торгов являются права.

Все это заставляет думать, что, несмотря на все реформы, мы имеем скорее все же эволюционное развитие той общественной системы, которая у нас была в СССР. Сейчас существует много предприятий, которые совсем не зависят от власти (они были и в тогдашней Венгрии). Но наши сегодняшние крупные предприятия и подконтрольны, и могут обратиться к государству за помощью (скажем, во время недавнего банковского кризиса власти спасали какие-то банки).

Административный рынок, экономика торга, экономика согласований

Экономические картины, нарисованные в «Экономике дефицита», отражали реальности восточноевропейских экономик периода «социализма с человеческим лицом», где уже существовали элементы экономической независимости, хотя общий контроль и осуществлялся в плановом порядке. Примерно в то же время — отчасти под влиянием из-за рубежа, отчасти на основе собственных наблюдений за совершенно различными социально-экономическими объектами (от Госплана СССР до сельского района на Алтае) — возникло представление о том, что и в нашей стране фактически имеет место значительная децентрализация в принятии экономических решений. Свобода принятия управленческих решений, необходимая для организации планового воздействия сверху вниз, у органов управления чаще всего отсутствовала, и эти органы выступали в значительной степени как простые трансляторы информации о потребностях предприятий. Таким образом, в середине 1980-х годов был сформулирован тезис о том, что тогдашняя советская экономиче-

---

³⁴ Что, кстати, делает менее выгодным производство других продуктов.

ская система представляла собой не командную экономику, а «экономику согласований», «экономику торга» или «административный рынок»³⁵.

Для анализа «экономики согласований» оказалось удобным использовать не новое понятие дефицита, введенное Корнаи, а традиционный инструментарий в виде кривых спроса и предложения. А именно, непосредственные горизонтальные взаимодействия предприятий между собой (как при настоящем рынке) можно описать как два типа взаимодействий между предприятием и органом управления: (1) орган управления требует обеспечить выпуск определенного количества продукции, обещая некоторый объем ресурсов (2) предприятие требует предоставить ему ресурсы, обещая достичь соответствующего выпуска. Получается, что орган управления — это посредник, который более или менее автоматически обслуживает горизонтальные отношения (обмены) между предприятиями.

Иными словами, теория «административного рынка», в сущности, посмотрела на управленческие иерархии не как на целостные субъекты принятия осознанных решений, а как на разновидность институциональной инфраструктуры. В настоящей рыночной системе роль такой инфраструктуры играет правовая система, которая включает как юридический понятийный аппарат, так и механизм принуждения, призванный обеспечивать выполнение обязательств. Любое данное юридическое лицо может в правовых терминах сформулировать свое предложение к другому юридическому лицу и затем вступить с ним в договорные отношения. Потoki формируемых таким образом взаимодействий и представляют собой динамику рынка.

В системе «административного рынка» — говоря в первом приближении — вместо отношений собственности мы имеем отношения подчинения, а вместо прав — обязанности. Тем не менее это также позволяет организовывать и координировать потоки взаимодействий, сформулированные именно таким образом.

В экономическом анализе такой взгляд на советскую экономику создавал новые возможности для перехода от традиционно преобладавшего прескрип-

---

³⁵ *Широнин В.* Механизмы координации производственной деятельности. Сравнительный анализ хозяйственных механизмов социалистических стран. Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований. Сборник трудов. Вып. 15. М., 1984; *Константинов В., Найшуль В.* Технология планового управления: препринт. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1986; *Кордонский С.* Некоторые социологические аспекты хозяйственных отношений. Теоретические проблемы совершенствования хозяйственного механизма. Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований: Сборник трудов. Вып. 6. М., 1986; *Авен П., Широнин В.* Реформа хозяйственного механизма: реальность намечаемых преобразований // Известия СО АН СССР. Сер. экономика и прикладная социология. Вып. 3. 1987.

тивного подхода к эволюционному, дескриптивному и эмпирическому. Наше общество и экономику уже можно было не рассматривать как сконструированные и конструируемые органами власти (или впоследствии «реформаторами»), а скорее как спонтанно развивающиеся по своим внутренним законам — хотя и при соучастии сознательно действующих его членов. В частности, в ходе реформ 1990-х годов произошла монетизация экономики, а затем и значительное развитие в ней действительно рыночных отношений. Тем не менее и сегодня наше общество относится скорее к системам типа «административного рынка». При этом инфраструктурой, обеспечивающей элементарные взаимодействия индивидов (людей и/или организаций) между собой, являются сети — как иерархические, так и горизонтальные.

Изменилось и представление о роли ученого-экономиста и обществоведа. Вместо того чтобы писать «компетентным органам» рекомендации о «дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма», его задачей должны были стать прежде всего эмпирическое изучение реальных процессов и анализ как этих процессов, так и возможных инструментов влияния на них.

Гибель империи

Е. Т. Гайдар написал книгу с таким названием в 2006 году³⁶. В ней анализируются причины и непосредственные факторы, определившие распад СССР.

Перераспределение ресурсов из сельского хозяйства в промышленность — индустриализация и урбанизация — имело место не только в СССР, это происходило и в других странах, однако там этому предшествовали аграрные революции. В России же коллективизация привела к созданию в целом неэффективного сельского хозяйства. Освоение целинных земель в конце 1950-х — начале 1960-х годов в Казахстане и Западной Сибири было попыткой экстенсивного расширения сельского хозяйства — за счет этого увеличили производство зерна, но проблему не решили.

Оказавшись перед непростой дилеммой — ссориться с населением или сокращать инвестиции и тем самым вступать в конфликт с партийно-хозяйственной элитой, советские власти стали закупать продовольствие за границей. То, что Россия закупает зерно, выглядело дико (известна шутка Черчилля, который сказал, что умрет не от старости, а от смеха по этому поводу). Тем не менее зерно все равно продолжали закупать, деваться было некуда. Но зато у страны появился экспортный ресурс — нефть.

---

³⁶ Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006 (первое издание).

Месторождения нефти Западной Сибири, открытые в 1960-х годах, и возможность финансирования за счет экспорта нефти в развитые капиталистические страны масштабного импорта сельскохозяйственной продукции, казалось, позволили решить продовольственную проблему.

Советский Союз фактически попал во внешнюю зависимость, причем это происходило в условиях противостояния с США.

То, на что большинство наблюдателей не обращало внимания — произошедшее в 1960–1970 гг. радикальное изменение отношений между СССР и миром. В это время экономика Советского Союза, формально остающаяся закрытой, на деле оказалась глубоко интегрированной в систему международной торговли, стала зависеть от конъюнктуры мировых рынков. Это, как правило, отмечали лишь исследователи, занимавшиеся рынками зерна и нефти. Большинству аналитиков, изучавших социалистическую систему, ее фундамент представлялся прочным.

Мировой рынок нефти и цены на нефть никогда не были свободными, а всегда были отчасти регулируемы. На этом рынке было несколько игроков, в том числе ОПЕК (Организация стран — экспортеров нефти), США и некоторые другие страны. Советский Союз был не членом ОПЕК, а только наблюдателем, однако в определенной степени тоже мог оказывать влияние. Арабские страны поначалу дистанцировались от Соединенных Штатов и совершенно не поддерживали их в стремлении нанести урон Советскому Союзу — в частности, потому, что Соединенные Штаты стояли на стороне Израиля. Но когда Советский Союз стал воевать в Афганистане, арабы испугались и решили договориться с США. После этого они совместными усилиями сбросили цену на нефть до 10 долларов за баррель. Для Советского Союза это было равносильно катастрофе. Плана действий на этот случай у СССР не было.

Как мы уже говорили, параллельно внутри страны происходило размывание командной системы и ее либерализация, прежней жесткости и репрессий не было.

Командная система, в том виде, в котором она была сформирована в 1930–1950-х годах, действенна до тех пор, пока опирается на массовый страх, угрозу жестких санкций, распространяющихся на все общество. После 1953 г., когда пронизывающий общество ужас перед репрессиями отступает, действенность традиционных социалистических методов управления снижается. На этом фоне падает трудовая дисциплина. Н. С. Хрущев, посетивший Донбасс, на заседании Президиума ЦК КПСС 24 августа 1956 г., описывая сложившуюся ситуацию, исчерпывающе заметил: «Всё растаскивают».

Между тем «империя» включала многие национальные окраины, где возникли сепаратистские движения.

Сохранить империю, не используя силу, — невозможно; удержаться у власти, не сохранив ее, — тоже. В случае применения массовых репрессий получить крупные долгосрочные, политически мотивированные кредиты, дающие надежду хотя бы отсрочить приближающееся государственное банкротство со всеми его последствиями, нереально. Экономическая катастрофа, которая последует, когда выяснится, что путь к западным деньгам закрыт, влечет за собой гарантированную утрату власти, причем не только лидером, а всей коммунистической верхушкой. В этом сочетании обстоятельств — объективная основа на первый взгляд странного поведения советских властей в 1989–1991 гг.

Все это закончилось тем, что СССР распался.

3. Современная Россия

Был ли распад СССР в 1991 году революцией? И да, и нет. Существует множество аргументов за и против. Несмотря на явный кризис, практически никто не ожидал, что это может произойти. Когда же это случилось, то оказалось — по историческим меркам — очень безболезненным.

Мне кажется, что это было событие фантастического масштаба — но не в смысле одномоментных перемен «здесь и сейчас», а как точка начала новой жизни, формы которой мы еще не понимаем. Содержание этого раздела — не более чем наброски для будущей картины.

Эволюция советских институтов

Деревня сегодня

Очень известная новосибирская школа экономической социологии сильна своим эмпирическим, индуктивным подходом.

Вот что полевые социологи видят сейчас в российской деревне³⁷. Как мы говорили, в СССР люди работали в колхозе или совхозе, но основной доход — или, во всяком случае, очень существенную часть дохода — давали их личные подсобные хозяйства. Сейчас личные хозяйства превратились в

---

³⁷ *Фадеева О. П.* Особенности формирования многоукладной экономики в сельской России // Поволжский торгово-экономический журнал. 2011. № 5. С. 37–46.

семейные, которые живут в странном новом симбиозе с коллективными хозяйствами. Параллельно происходит развитие сельского предпринимательства, кое-где из этих колхозов—совхозов и их обломков предприимчивые люди уже создали фирмы. В нулевые годы в сельское хозяйство пошел крупный капитал. При том уровне обменного курса, который установился после дефолта 1998 года, Россия стала конкурентоспособной по сельскому хозяйству. К этому надо добавить, что сельская инфраструктура — дороги, детские сады, школы и т. п. — после 1992 года «повисла на балансе» и на заботах местной власти, у которой на это нет денег. Заметим, что последняя картина похожа на то, что происходит и не на селе.

Коллективные предприятия стали выполнять функцию источника бесплатных ресурсов для ведения семейных хозяйств, превратившихся для многих селян в основные источники доходов (корма, молодняк, ветеринарные и транспортные услуги и т. п.).

<...>

Местные власти не были заинтересованы в банкротстве крупных сельхозпредприятий, в связи с этим осуществлялись разнообразные программы товарного кредитования хозяйств.

<...>

Появление «виртуальной» долевой земельной собственности, отсутствие механизмов «физического» выделения земельных участков и юридического закрепления прав собственности позволили практически бесплатно пользоваться землей тем, кто не владел ею юридически — бывшим колхозам и совхозам.

У коллективных предприятий воруют, там практически бесплатно покупают, туда «вешают» долги, оттуда косвенно перекачивают дотации, которые идут от государства для поддержания колхозов. У колхозов нет денег на зарплату, фактически имеет место безработица, но из-за социального давления власти как-то субсидируют эти коллективные хозяйства, и местные жители этим пользуются.

К этому надо добавить, что формально-юридически произошла приватизация земли. Члены колхоза или работники совхоза имеют право на долю земли. Но это — виртуальная доля, она не определена на местности. То есть в принципе человек может «затянуть историю», чтобы ему выделили его участок «в натуре», но это очень хлопотно и большинство этого не делает. Поэтому получается, что у коллективных хозяйств нет формальных прав на землю, но фактически пользоваться ею они могут.

Какое на селе предпринимательство? Во-первых, возник торговый, посреднический сектор. Во-вторых, какие-то ресурсы выделили из колхозов и совхозов и передали фермерам, вокруг этого появился бизнес. Но в общем

движение продуктов из деревни в город происходит через монополистов, которые очень сильно влияют на цены. То есть на самом деле происходит эксплуатация, и это — большой барьер.

Кое-где произошло полное изменение хозяйственной жизни. Вот ситуация, которую я сам видел еще 8 лет назад: районная власть каким-то образом объединила всё — производство, хранение, переработку, торговлю, получила какие-то кредиты и создала агрофирму. Это пример предприятия, возникшего снизу. Иногда же приходят большие фирмы «со стороны», иногда иностранные, которые инвестируют и создают уже даже не сельскохозяйственные, а агропромышленные предприятия. Эти предприятия нередко высокотехнологичные, там работают совсем другие люди, не из местных жителей. Таково, например, современное мясное производство.

Социологи также наблюдают, что местная власть получила контроль за инфраструктурой — дороги, освещение, ЖКХ и т. д., но не имеет денег на ее содержание. Поэтому она, если называть вещи своими именами, шантажирует бизнес. Сложился еще один симбиоз — между властью и бизнесом. Власти вымогают квазианалоги и получают какие-то средства, которые частью используются для того, чтобы содержать инфраструктуру и поддерживать местных бедных, а частью для личной наживы представителей власти. Местная «политическая экономия» — это совершенно «серая», теневая жизнь.

«Сословная федерация»

С. Г. Кордонский — зоолог по образованию, специалист по методологии науки, социолог, советник В.В. Путина в течение его первого президентского срока, сейчас профессор Высшей школы экономики. Он назвал нашу страну «сословной федерацией»³⁸. Что он имеет в виду?

Сословная структура общества предполагает неравенство граждан перед законом, традиционное или введенное внешним образом. Неравенство в первую очередь заключается в том, что сословия имеют различающиеся права и обязанности перед государством и несут разные государственные повинности.

Разумеется, здесь не говорится, что мы юридически не равны перед законом, но подразумевается, что *фактически мы перед законом не равны*. Кого-то сажают в тюрьму, а других не наказывают даже за гораздо более тяжкие преступления.

---

³⁸ Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.

В понимании Кордонского, сословия — это социальные группы, которые занимают совершенно определенное положение в иерархической структуре общества. Он утверждает, что для России на всех этапах ее истории, включая нынешний, характерна сословная социальная структура.

Автор различает *титульные* и *нетитульные* сословия. Думаю, эти термины можно понимать как официально и неофициально существующие сословия. Также он говорит о том, что и права, и привилегии могут быть как официальными, так и неофициальными. Это довольно очевидно, об этом много говорилось, но стоит еще раз подчеркнуть следующее отличие сословного общества от несословного. В несословном обществе, где все равны, заработок человека принадлежит ему и никто не сомневается, что это справедливо. В сословном же обществе имеется установка, что жить надо «по рангу», в соответствии с общественным положением. Еще во времена Московского княжества или царства воевода мог красть, но он мог это делать в пределах того, что считалось дозволенным. Он мог творить произвол, притеснять людей и т. п. — но тоже в определенных (хотя и точно никогда не установленных) пределах, однако если нарушались какие-то неявные границы, то он мог за это поплатиться. В то же время если бы столько же украл человек, который не имел надлежащего статуса, то этот человек считался бы жуликом.

Кордонский объясняет также, что означают в российском контексте некоторые понятия.

Общественная жизнь у нас представляет собой, по сути, борьбу и торги по поводу сословных привилегий и обязанностей, т. е. по поводу того, кому что можно и кому чего нельзя. Именно это является для «общества» предметом выяснения.

Справедливость: добросовестное служение вознаграждается, а размер жалованья должен быть пропорционален общепринятой в данном обществе значимости человека. Соответственно, в сословном обществе не может быть богатых и бедных в «современном» смысле этих понятий, поскольку если человек, имеющий высокий статус, живет соответственно этому статусу, то он не рассматривается как богатый, это считается нормальным. Ненормальным же считается, пишет Кордонский, стремление к богатству, к наживе, или демонстрация благосостояния, которое не соответствует сословному статусу. Это считается аморальным и вызывает негативные санкции. Понятие работы ради заработка чуждо сословному устройству.

Кроме жалования, «служивому» человеку полагается дополнительное довольствие. Но более значимым источником является сословная рента, которая означает, что люди, относящиеся к высоким сословиям, могут безнаказанно отнимать ресурсы у людей, относящихся к более низким сословиям. В рамках этой модели — свое понятие коррупции. Кордонский утверждает,

что никакой коррупции в западном смысле у нас нет, а есть *мздоимство*, которое означает просто, что у людей имеются не только формальные, но и неформальные права на перераспределение ресурсов.

В СССР, если объем ресурсов, которыми распоряжались граждане с низким статусом, превышал некоторый «нормальный» уровень, то они объявлялись нетрудовыми доходами. Логика тут в том, что существует некий норматив (формальный или неформальный) относительно того, что может потреблять человек, имеющий определенный статус, и проблемы начинаются тогда, когда человек отклоняется от этого норматива, когда он «крадет не по рангу» или даже просто потребляет не по рангу.

«Гениальная власть»

Г. О. Павловский — российский политолог, один из создателей нынешней российской власти. Он определяет жанр своей книги³⁹ как «эссе инсайдера о том, каким видится мир из Кремля».

Сама власть видится ему как команда импровизаторов, которая может решить любую задачу. Это небольшая группа выдающихся людей, которые сильно выделяются по своим возможностям, способностям, ресурсам.

В чем великолепие российской власти? Ей все заведомо по плечу. Мы уверены, что всякая цель достижима силами данной команды, стареющей и давно всеми нелюбимой, но все той же с 2000 года.

Считая себя ультракомпетентной, власть пренебрегает простой управленческой компетентностью. Нас попрекают тем, что мы не умеем ничего толком организовать... Наша некомпетентная сверхкомпетентность — командное свойство. Команда власти всегда готова проявить компетентность в вещах, о существовании которых еще вчера не знала. Отсюда ее кадровый застой: импровизатора заменить некому, его опыт уникален.

Каждый проект, который они делают, они делают неудачно или недостаточно эффективно. Но при этом оказывается, что из любой ситуации они могут вылезти и любой проект они могут осуществить.

Мировоззрение этой власти не следует упрощать и сводить к известным моделям. Например, это касается ее отношения к демократии.

Лозунг демократии не породнил нас с Европой, а лозунг суверенитета ее насторожил. Обычная европейская ошибка — упрощать стратегию Крем-

---

³⁹ Павловский Г. О. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. М.: Европа, 2012. 120 с.

ля, сводя к попыткам спасти монополию. Но система ищет защиты и от (памятных ей) безумств большинства, и от аппаратного идиотизма власти. Недоверие команды Кремля к собственному аппарату — важный мотив интереса к демократическим практикам. Демократию здесь ценят как партизанскую тактику, используемую властью для просачивания в собственный аппарат. Но теперь демократия превратилась в новую трудность для власти — зависимость от провластного большинства.

В Кремле не уверены, что в России получится демократия, у них осторожно-скептическое, пессимистическое отношение: давайте попробуем.

Я рассматриваю демократический опыт России как эксперимент. Я редко встречал в Кремле людей с явно антидемократическими взглядами. Демократия в России — консенсус, которого придерживались все ее президенты. Мы рассматриваем свою команду как неповторимую власть, жертвующую мелочами демократии ради поэтапного внедрения ее институтов.

В этой книге и во всех своих выступлениях Павловский повторяет мысль, которая не многим понятна: никакой вертикали власти нет, а есть покупка послушания — даже покупка видимости послушания — за деньги.

Под именем вертикали действует оригинальная и надежная система скупки-кредитования управляющих групп для работы по федеральным заданиям.

<...>

Наша команда с 2000 года овладевала страной с легкостью, не меняя прежнего менеджмента. Суверенитет восстанавливали, отказываясь управлять. Вербовка регионалов федеральным центром шла на четких условиях: играете по своим правилам, но в московский футбол. Повестка устанавливается центром, но тот не вмешивается в местные технологии власти. Директивы сверху — «этого не избирать, а того избрать», «такой-то процент для такой-то партии» — проводите средствами, какие есть на местах. Работа по заданиям центра и выполняя поставленные задачи, регионалы подтверждают компетентность, сохраняют должности, которые занимают, и с ними — право обогащаться (право строго привязано к месту власти).

Следующая мысль перекликается со всеми нашими обсуждениями русской государственности: государство как отдельная корпорация гарантирует лояльным людям или лояльным институтам определенную долю или ответственность. Это поместная система, которую он описывает в сегодняшней конкретике.

После ряда попыток и поисков... возникла экономически респектабельная власть — суверенитет-монополист, кредитоспособный агент глобально-

го рынка. Внутри страны гражданин России не является носителем государства, зато власть выступает им вовне. Наш суверенитет гарантирует любому из лояльных определенную долю. А некоторым дает и полную гарантию их собственности. Но только с согласия государства, и власть может согласие отозвать.

<...>

Российские институты власти — не правовые и не противоправные, они *внеправовые*. Они обуславливают защиту собственности включением собственника в некие договоренности.

<...>

Титул суверенитета позволяет нам оформлять, переоформлять и отнимать любые права. Никакая «приватизация», формально присваивая статус частной собственности некому имуществу в РФ, не может изменить ситуацию. Эти раздачи остаются простым «землеотводом» единого собственника национальной территории. Зато найдено главное, что искали под именем свободы, собственности и порядка, — защита! Гражданин получил блага, предоставляемые правом и капиталом, — без права и без капитала, а по договоренности о пропорции благ, причитающихся из бюджета.

Вспомним модель административного рынка, о которой была речь выше. В Советском Союзе власть распределяла ресурсы, это было бесконечное согласование и разрешение споров по поводу плановых заданий и поставок ресурсов. Теперь же «российская власть перегружена неуправляемыми конфликтами, как советская экономика — плановыми расчетами».

В разделе «Вместо заключения» Павловский пишет:

Власть — единственный российский субъект, который отлично капитализированным выходит на мировой рынок. Но операции с его выручкой нелегалы. Они скрыты от налогоплательщика внутри межбюджетных (и воровских) процедур. Зато мы раскидываем рубли социальной помощи в триллионных объемах из бюджетных мешков.

<...>

Российская система социальной поддержки состоит в прямом расходовании средств бюджета. Это не капитал и не эндаумент — это бюджетный грант. Такое социальное государство стоит еще дороже, чем сверхдорогая элита.

Средний класс и его будущее

Весной 2010 года С. А. Белановский и М. Э. Дмитриев опубликовали доклад, предсказавший серьезное изменение политической ситуации и народные возмущения по поводу выборов — чуть ли не за год до того, как

случились «Болотные площади». После этого они вместе с коллегами продолжили анализ структуры электората и его политических установок⁴⁰.

Политическая динамика в 1990-е годы определялась существовавшей тогда конкурентной политической средой и влиянием популизма. В основе этого было политическое большинство малообеспеченного населения, разделявшего «традиционные» ценности.

Все партии попадали в зависимость от левопопулистского электората, что приводило к их конвергенции на левом фланге и вело к формированию популистских парламентов 1990-х гг. Дефолт 1998 г. подвел своеобразную черту под эволюцией этой системы, продемонстрировав экономические риски, связанные с ее политической несбалансированностью.

<...>

К 2000 году в России сложилась почти однополярная политическая структура, в которой единственной по-настоящему массовой и электорально значимой группой был сравнительно однородный слой традиционалистов с достаточно однородной системой ценностей и поведенческих стереотипов, представленный в основном малообеспеченным населением.

<...>

Однополярная структура российского общества облегчила начавшийся после 1999 г. процесс ограничения партийной конкуренции. Она позволяла обращаться к подавляющей части населения с однородным политическим контентом и на этой основе формировать широкую политическую базу партии власти.

С приходом В. В. Путина к власти эта однополярная структура из проблемы превратилась в опору и стала основой «авторитарного» путинского режима. Эта ситуация все еще такова, но изменяется.

В настоящее время российский средний класс является не доминирующей, но значимой и наиболее быстро растущей массовой общественной силой, предъявляющей спрос на политические изменения.

<...>

Это создает предпосылки для перехода к *биполярной структуре* общества с трудно совместимыми социальными ожиданиями и системами ценностей, установление баланса между которыми является непростой задачей для любой политической власти.

В отличие от «путинского большинства», ценности среднего класса —

---

⁴⁰ Белановский С., Дмитриев М., Мисихина С., Омельчук Т. Движущие силы и перспективы политической трансформации России (<http://www.csr.ru/docs/category/8-?download=201%3A>).

это доминирование достижительных мотиваций и ориентация на европейские ценности. Его представители в гораздо большей степени полагаются на собственные силы, ориентированы на творческие виды деятельности, хотят быть яркими индивидуальностями. В экономическом плане большинство из них категорически не заинтересовано в переделе собственности, отрицают идеи уравнительности доходов и отстаивают принцип равенства возможностей.

По разным причинам — демографическим и в связи с ростом уровня жизни — Белановский и его коллеги считают, что средний класс будет численно расти. С учетом межпоколенческих сдвигов и даже на основе консервативного сценария роста ВВП и доходов можно прогнозировать, что доля среднего класса увеличится к концу второго десятилетия до трети, а во взрослом населении — и до 45 %, причем в крупных городах он будет составлять большинство. А это значит, что «к 2020 году абсолютное большинство взрослого населения страны будет принадлежать к среднему классу или его ближайшей периферии».

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как говорилось в самом начале, изложенный в докладе материал был использован как эмпирическая база для попытки понять общественное развитие в нашей стране с помощью сочетания когнитивного и институционального анализа⁴¹.

Этот анализ состоял в том, чтобы взглянуть на общество с позиций *когнитивной науки*, т. е. как на информационный процессор. Такой подход позволяет перенести всё имеющееся знание о мозге, мышлении и искусственных информационных системах на системы социальные и тем самым открывает большие перспективы для обогащения как обществоведения, так и когнитивной науки.

Идея такого рода исследовательской программы обсуждается уже довольно давно, хотя все еще воспринимается как новшество (Дуглас Норт говорил об этом еще в 1993 году в своей нобелевской речи). В моей книге эта идея реализована, результаты разных наук о знании, от лингвистики до богословия, использованы там как единый набор исследовательских инструментов.

---

⁴¹ *Широнин В. М.* Когнитивная среда и институциональное развитие. СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2013. 264 с.

Переход к новой парадигме позволяет увидеть привычные явления в новом свете. В частности, мы можем распознать в общественных системах два известных способа переработки информации — т. наз. «классический» и «коннекционистский». Первый из них основан на использовании символических систем, подобных языкам. Общественные отношения строятся в этом случае как своего рода конструктор, «лего», т. е. в виде «системы, открывающей возможность бесконечного комбинирования средств без заранее установленных результатов»⁴².

Второй способ может быть описан в терминах информационных сетей, первоначально построенных как модель, аналогичная нейронной структуре мозга. В социальных системах при такой организации основой служат связи между «смежными» единицами сети и их знание друг о друге.

Использование такого рода метафор позволяет по-новому взглянуть на экономику и в феномене товарного производства увидеть аналог взаимодействия компьютера с внешней памятью. Идеи «перекодируются» в вещи, которые, в свою очередь, влияют на рождение новых идей.

Мы можем также различить в социальных системах два способа представления информации — «фотографический» и «голографический». В первом случае информация имеет «корпускулярную» форму, она локализуется во времени, пространстве и логике. Во втором случае информация «размазана», и в каждой точке имеется знание обо всей системе.

Исходный вопрос о российском институциональном устройстве таким образом превращается в обсуждение особенностей нашей когнитивной среды. В первом приближении можно сказать, что в своей основе эта среда устроена как информационная сеть, и поэтому доминирующий в ней способ обращения с информацией — голографический. Образно говоря, знание накапливается у нас везде и обо всем, мы не склонны специализироваться и четко разделять сферы компетенции и уподоблять знание вещи. Это отличает нашу когнитивную среду от того, что можно назвать Западом, — там когнитивную инфраструктуру образуют знаковые системы, подобные языкам и оперирующие локализованной корпускулярной информацией.

С начала прошлого тысячелетия и до сегодняшнего дня последний вариант когнитивной организации обладал в целом *большими* преимуществами, поскольку он создавал возможности для инноваций и накопления знания, причем в первую очередь — социального и институционального. Использование такой техники социальной организации, которая позволяет отчуждать идеи, аналогично изобретению письменности, и имеет такие же масштабные последствия.

---

⁴² Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

В то же время существует много примеров, когда «голографичность» российской среды и культуры оказывается важным положительным фактором. Это проявляется и в творческом нестандартном подходе при решении разных проблем, и в способности видеть общее в отдаленных явлениях (как известно, Россия — родина многих научных систематизаций), и в искусстве, и в литературе. Следует также сказать, что нынешнее развитие информационных технологий, возможно, создаст совершенно новую ситуацию, где «голографические» подходы будут даже более адекватны, чем символические.

Говоря об институциональном развитии, мы прежде всего видим, что информация, как электромагнитное поле, легко проникает повсюду и не знает границ. В то же время люди способны понимать только то, что говорится на их языке, — в прямом и переносном смысле. Россия — это открытая система, постоянно взаимодействующая с внешними потоками информации, но при этом делающая это своим специфическим образом. Здесь стоит применить мысль М. М. Бахтина о том, что характер — в данном случае характер страны и ее культуры — объемно виден только в свете ее взаимодействия с другими странами и культурами.

В этом смысле можно сказать, что в первую очередь нас интересовал один частный случай — взаимодействие России и Западной Европы. Мы можем отметить четыре главные точки развития западноевропейских институтов. Каждому из этих этапов соответствовали реакция России и способ ее участия в изменяющейся мировой системе.

Первый из них связан с принятием христианства и различиями западнохристианского и русско-православного взгляда на мир. Давно замечено, что католицизму свойствен механический и юридический подход. Первое означает, что состояние человека оценивается в терминах наличия у него некоторой субстанции — греховности, которую может компенсировать благодать. Второе — что суждение о греховности выносит церковь, которая и является хранительницей благодати. В отличие от этого, для русской, православной по происхождению, культуры характерно ощущение человеком себя как внутренне полностью свободного и состоящего «в онлайн-овой» связи с Богом. Уже из этого различия проистекают многие поведенческие особенности, в частности трудности с переносом на российскую почву западных институтов.

Второй этап был связан с изобретением примерно в XII веке в Европе нового способа организации социальных общностей в виде знаковых систем. В результате не только католическая церковь стала самостоятельной корпорацией, управляемой посредством права, но возникли также и другие правовые системы, общественные структуры и мировоззренческие парадигмы. Можно сказать, что Россия пропустила этот момент — как из-за мон-

гольского нашествия, так и в силу идеологических разногласий с Западом, однако затем ей пришлось иметь дело с техническими и военными последствиями европейской институциональной революции.

Третий этап в европейской истории был продолжением того, что произошло на втором. Новая форма общественной организации стала бурно развиваться и распространяться. Возникла современная наука. Родился протестантизм как отрицание роли церкви и взамен этого – подчинение человека безличной религиозной парадигме. Сложился капитализм. Появилась новая военная система, связанная с использованием больших масс единообразно обученных солдат. Военная революция привела к появлению абсолютистских монархий и военной промышленности.

У нас никогда не принимали, да, в сущности, и не понимали первопричины европейского прогресса. Тем не менее, наша страна смогла довольно успешно конкурировать во многих этих областях, используя свои имевшиеся социальные формы и институты — в первую очередь культурный потенциал христианства, но также и архаические технологии власти: прикрепление людей к самой власти и другим общественным структурам, разделение людей на «состояния». В то же время многие европейские институты (или, лучше сказать, организационные формы) были импортированы, причем (особенно поначалу) на более или менее внешнем уровне.

Последним из рассматриваемых ключевых этапов развития Запада было появление к XIX веку массового общества: формирование наций, введение всеобщего призыва в армию, создание систем образования, и т. д., в результате чего возникли единые информационные контексты, обеспечившие единообразное понимание тех элементов, из которых сложена жизнь. Эти изменения были так глубоки и так широко распространились, что проникновение в XIX веке в Россию новых образцов поведения — в виде технологий, знаний и идеологий — уже нельзя было остановить. С одной стороны, это привело к появлению интеллигенции и включению русского общества в мировой интеллектуальный процесс, что дало блестящие результаты, с другой – вызвало в России медленную деградацию старых институциональных механизмов. При этом опять оказалось, что из всех чужих изобретений именно институциональные инновации заимствуются русской культурой и обществом хуже всего. Когда в результате Первой мировой войны и вызванного ею кризиса прежняя система рухнула, на смену ей смогла прийти только более жесткая и последовательная институциональная структура того же старого типа — партия большевиков.

Огромная проблема несбалансированности, которая имела одновременно структурно-экономические и институциональные причины, вышла на поверхность в 1917 году. Коммунистическая партия и Сталин разрешили эти противоречия, открыв широкую дорогу для модернизации, но в то же

время подорвав равновесие в обществе на долгие годы. Методом управления опять стало насилие, сводившее людей до положения ресурса. Когда этот ресурс стал исчерпываться и между обществом и властью возник своего рода общественный договор, создать новые адекватные институциональные формы вновь не удалось. Решение было найдено вовне, путем включения страны в мировое экономическое сообщество. Однако способ этого включения также содержал внутреннее противоречие мировоззренческого и институционального характера, в конечном итоге приведшее к распаду страны.

Заметим, что определяющие факторы институционального развития России существенно отличаются от того, что имеет место на Западе. Одним из главных факторов там является прогресс, который связан с индивидуальными инновациями, основанными на свободе людей предлагать новые решения (как технические, так и институциональные) — создавать фирмы, некоммерческие или общественные организации. Второй важнейший фактор — это политическая борьба групп и классов за свои интересы. В России общественное развитие было всегда связано в первую очередь с огромными напряжениями, возникающими между разными структурными подсистемами общества: между крестьянами и дворянами, между интеллигенцией и властью, между старой и новой армией, между национальными интересами, наконец, между страной в целом и внешним миром. Имперская структура власти и организации общества в России всегда позволяла *не выравнять* условия жизни и правила игры в разных частях системы, сохраняя их самобытность. Это давало нашему обществу энергию развития. С другой стороны, это часто приводило к таким диспропорциям и в правилах игры, и в образе жизни, которые ломали саму систему.

Сохранится ли этот механизм в дальнейшем? Возможно, сейчас наступил момент, когда заканчивается более чем 500-летний период истории страны, связанный с приоритетом военных задач, и на первый план выходят совсем другие вопросы. Или же в который раз наша мировоззренческая и институциональная инерция окажется сильнее, и мы скроим себе «национальную идею» по размеру старых общественных форм? В любом случае, нам желательно знать самих себя, научиться обсуждать наши особенности в явном виде и понять, где может быть наше место в очень изменившемся мире.

Вячеслав Широин

Очерк институционального развития современной Европы и России

Препринт М-35/14

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 12.03.14
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышение квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность. В составе М-Центра работают специалисты, участвовавшие в подготовке книг:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:**
Oil, Gas, and Modernization. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**